

ГАЛИНА РОМАНОВА

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Галина Владимировна Романова

С первого взгляда

Серия «Детективы Галины Романовой. Метод Женщины»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=421072
С первого взгляда: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-43898-3

Аннотация

Утро после дружеской вечеринки с танцами на раздевание началось с дикого женского крика. Антон Марин обнаружил себя полураздетым и мающимся от жестокого похмелья, а вот бывшую жену Аллу нашли задушенной его же ремнем. Самое ужасное, Антон совершенно не помнил ни драку после вчерашнего разнузданного веселья, ни то, как ломился к Алке в комнату, грозясь ее убить. А значит, ни мотива, ни преступника искать не надо – вот он, собственной персоной... Правда, алиби есть: Влада уже много лет страдает по нему и готова подтвердить, что страшную ночь они провели вместе. Конечно, только в том случае, если Марин женится на ней. Но для Антона это такая же тюрьма, если не хуже. Выход один – найти настоящего убийцу. И сроку ему дано две недели... Или Влада откажется от своих показаний!..

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	46
Глава 4	54
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Галина Романова

С первого взгляда

Глава 1

На кой черт ему эта вечеринка, спрашивается?!

Тащиться непонятно куда! Непонятно зачем! Непременно в костюме и галстук! Не смей опаздывать! При себе никого не иметь!

Последнее условие его вообще возмутило.

– Че так-то, Лен? – хмыкнул он в телефонную трубку таким тоном, будто мог зараз привезти с собой по меньшей мере пятерых красоток.

На самом-то деле он уже давно пребывал в поиске и пока безо всякого результата. Но повыделываться все равно стоило. Чего это она сразу с условий начинается?

– У нас семейное торжество, Антоша. Нам не нужны за столом посторонние! – сразу надулась Лена Снегирева.

И забубнила, забубнила, тут же припомнив все их совместные с ее мужем – Ванькой – прегрешения, видеть которые чужому глазу было никак нельзя.

Тут и новогодняя прошлогодняя елка всплыла, когда они с Ванькой вокруг нее в одних трусах плясать вздумали. Хорошо еще, что совсем не разделись! То, что елка та произ-

растала в дачном поселке возле их дома, Ленку мало трогало.

А в бане, когда пива перепили, что было? Додумались в одних полотенцах выйти на улицу! А баня та в центре города, и вышли они в полотенцах из дверей на оживленный к тому часу проспект. И любовались бы на них прохожие часа два – попозировать они любили, – если бы не милиция, разогнавшая толпу зевак, а заодно и на них с Ванькой накричавшая.

Потом Ленка, захлебываясь азартным возмущением, вспомнила их совместный поход в горы. Поездку к морю. Следом отдых в санатории.

– Вам же нельзя на люди, Антоша! Вы дикари!!! Так что приедешь один, – закончила она безапелляционным тоном и добавила, как бы между прочим: – Достаточно уже того, что твоя бывшая приедет с бойфрендом.

– Ага!!! – тут же завопил он, встав на дыбы. – Ей можно, а мне нет?!

А в голове тут же заплясало и запрыгало: это что же у Алки за бойфренд такой? Откуда она его нарыла, если еще пару месяцев назад домой назад просилась? Не очень настойчиво, правда, но просилась. Может, нарочно тащит кого-то с собой, чтобы его – своего бывшего мужа – позлить?

– Ей можно, потому что...

Ленка замялась, стараясь подыскать единственно верные и правильные слова.

Щадила его таким образом.

– Ну! Говори, как есть, чего мямлишь? Почему это ей

можно?

– Потому что Сережа не совсем посторонний, – закончила Ленка с виноватым вздохом.

– Минуточку! – Антон тогда завертел шеей с такой силой, что захрустело что-то под тугим воротничком сорочки. – Это какой такой Сережа? И с чего это он нам не совсем посторонний? Уж не тот ли это Сережа?..

– Тот, Антоша, тот. – Лена засопела в трубку совсем уж виновато.

– Я не приеду! – отрезал он категорично и хотел отключиться, но Ленка заверещала как ненормальная:

– Тошечка, миленький! Не смей бросать трубку!!! И не смей не приезжать!!! Ты нужен, понимаешь?

– Нет. Зачем?

– Ты должен помочь, – нехотя начала признаваться Ленка.

– В чем? Чем? Зачем?

Он уже ничего не соображал в тот момент и гнал машину по улицам города как заправский гонщик. О том, что его могли остановить сотрудники милиции, оштрафовать, отобрать водительское удостоверение, он не думал. О том, что он может кого-нибудь покалечить, не думал тоже. Весь мир съежился до размеров узкого тесного тоннеля его обшарпанной загубленной Алкой жизни, из которого ему страсть как хотелось вырваться. А вот, получается, мешали.

– Антоша, она несчастна! Несчастлива без тебя! Дурочка, ничего не видит, ничего не понимает, не понимает, что губит

себя! Но мы-то видим и хотим помочь!

– Помогайте, – отрезал он и вильнул в пыльный проулок, сразу переполошив дюжину задремавших кур и чинно прогуливающих пенсионерок. – Я-то при чем?

– Без тебя никак, Антоша. Мы с Ванькой долго думали и решили, что...

– Что для того, чтобы сделать мою бывшую жену счастливой, мне необходимо отбить ее у того прохвоста, который в свою очередь отбил ее у меня. Я правильно понял?

– Правильно, – обрадовалась наивная Ленка.

– Дура! – коротко обронил Антон, доехал до обрыва, нависшего над рекой растрескавшейся каменной губой, и остановил машину.

– Кто дура? Алла?

– И Алла и ты, Лен, дура тоже.

Он почесал макушку, глянул на себя в зеркало. Физиономия была зверской. Если бы Ленка его сейчас увидела, то поостереглась бы вести дальнейшие переговоры.

Она его не видела, поэтому принялась возмущаться, называя всех мужиков козлами и гадами. Ему отдельно досталось. Финала ее гневного монолога он не услышал, просто выключил телефон. И решил тогда, выйдя из машины и усаживаясь светлыми штанами прямо в молодую сочную траву, что ни за что не станет принимать участие в их акции по спасению его заблудшей овцы, пардон – жены.

Но день спустя позвонил Ванька – его лучший, самый луч-

ший друг на свете – и тоже начал просить его приехать на их праздник. Он заискивающе хихикал, называл всех баб глупыми курицами. Просил не обращать внимания на Ленкины идиотские затеи. Уверял, что праздник этот никакого отношения к развалившемуся браку Антона и Аллы не имеет. У них с Ленкой просто знаменательная дата, которую они хотели бы отметить в кругу друзей, вот и все.

Антон ему не поверил, но приехать пообещал.

Почему не поверил?

Да потому, что Ванька ему наврал.

Друзья что собирались отмечать? Правильно, годовщину их с Ленкой знакомства. А сколько лет, сказал Ванька, минуло с тех пор? Правильно, сказал, что пятнадцать. А на самом деле?

А на самом деле, Антон знал и помнил это совершенно точно, знакомству их было семнадцать с половиной лет или чуть меньше. Причина для запоминания тоже имелась: это именно благодаря ему они и познакомились.

Познакомил он их незадолго до Нового года в школьном коридоре, толкнув Ваньку на Ленку, когда она проходила мимо них из столовой. Ванька тогда заорал:

– Дурак, что ли, Тоха?!

И тут же, успев шкурно подмигнуть другу, кинулся помогать Ленке подбирать с пола оброненные пирожки с капустой, которые она несла своим одноклассницам. Пирожки, конечно, пришлось выбросить. Дураку Тохе, загадочно ух-

мыслящемся, пришлось уйти. И было им на тот момент...

Да, все правильно! Было им по шестнадцать. Сейчас по тридцать четыре с хвостиком. Дело катится к лету, так что никак их знакомству не могло быть пятнадцать лет.

Он, конечно же, поедет на вечеринку, устраиваемую его друзьями в доме Ванькиного дядьки за городом. Какой бы причиной они ни руководствовались, разочаровать и уж тем более обидеть Антон их не мог. Но самому себе поклялся на Алку вообще никакого внимания не обращать.

Никакого!!!

Пусть она выглядит на три миллиона евро! А она именно так всегда почти и выглядела. Он в ее сторону все равно не посмотрит.

Пусть она начнет снова выделять свои штучки-дрючки, которые всегда распаляли и заводили его, он все равно в ее сторону не посмотрит.

Пусть она с этим своим Сережей демонстрирует необыкновенное счастье и взаимопонимание (и когда успели снова начать встречаться!), он не станет беситься. Не станет обращать на это никакого внимания и уж тем более не станет задаваться вопросом: а что он сделал не так в их совместной жизни и почему теперь вот все сложилось именно так, а не иначе.

Он будет ее игнорировать, вот!

Он станет от нее отворачиваться!

Он не клонет, не глянет, не пожалеет ни о чем не сделан-

ном!

Он будет самым собой. Тем самым парнем – нормальным, покладистым, надежным, веселым и немного бесшабашным, которым был всегда до встречи с Аллой.

Он не будет ее парнем, ее мужем, ее бывшим мужем. Он вообще не ее! Он сам по себе, она сама по себе. Он не ее, он свой!!! Сам себе господин, режиссер и хозяин!

Но чем меньше оставалось времени до намеченного праздника, тем меньше уверенности оставалось в его душе, которую он справедливо считал истерзанной.

А чего не так-то?!

Алка – она же...

Она же – гадина ненаглядная – измучила его, истерзала его душу, вынула и растоптала сердце, она сузила его мир до размеров тесного пенала, постоянно щелкая за его спиной невидимым хлыстом.

И что самое страшное – он подчинялся ей, придурок! Он позволял лепить из себя невероятных пластилиновых или пластиковых, черт его знает, роботов. Позволял заводить их в любое время суток странным волшебным ключом, приводить в действие механизм, не дающий никогда сбоя. Он позволял ходить им строем, кивать, когда необходимо, ловить на лету кусочки сахара...

Нет, это не про роботов, кажется, это про собачек. Милых, послушных, пушистых собачек, норовивших все время поплясать перед своей хозяйкой на задних лапках.

Такими вот собачками он тоже бывал.

А потом, потом, потом...

Потом случилось страшное. Или банальное? Или закономерное?

Алка ему изменила! Изменила, стоило ему уехать в командировку на две недели.

Загуляла, не дождалась, зашалавилась, как сказали бы любители сидеть на лавке у подъезда, попутно сплевывая шелуху от семечек.

Так же вот, как семечную шелуху, Алка сплюнула себе под ноги и его жизнь. Сплюнула, перешагнула и даже не обратила внимания на то, как ему при этом было больно.

Он тогда запил, переболел, перебесился и... простил почти.

Ну, загуляла и загуляла, кто не оступается, так ведь? Он сам виноват, нельзя такую шикарную женщину оставлять на произвол судьбы и мужицкий беспардонный произвол аж на целых две недели. Она, может, уже давно раскаивается. Как не простить-то, господи! Так ведь?

Оказалось, что не так!

Это у всех остальных может быть так, но не у Алки, которая почти всегда выглядела на три миллиона евро.

Она изумленно вскинула невероятной формы бровки и прошептала, глядя на него, как на помутившегося рассудком:

– Ты что, Марин, так ничего и не понял?!

Не поверите, он в тот момент даже устыдился.

– А... а что я должен понять, маленький?

Он все еще привычно носил на своем языке всякие пусики-мусики-сюсики, когда обращался к ней.

– Ты не понял, почему это произошло со мной?!

Ее удивительного оттенка – совершенно бирюзовые, без каких бы то ни было вкраплений, и не линзы, он убедился в этом еще в период знакомства – глаза наполнились слезами.

– Ты так ничего и не понял?! – Две драгоценных слезы скатились по щекам, чуть повисели на скулах и все же упали, тут же бесследно исчезнув в меховом воротнике ее шубы. – Это все произошло потому, что...

И началось перечисление всех отвратительных его качеств, которые он по недоразумению причислял к достоинствам. И бесхарактерность его вменялась ему в вину. И беспринципность – и когда такое было?..

– Сережа, он... Он, в сущности, ничего для меня не значит. Он всего лишь эпизод в моей жизни, – проговорила она напоследок и тут же добавила: – Но он открыл мне глаза на мир!

– На какой?

Он все еще терпел, все мечтал, что она одумается и сейчас все же начнет каяться и просить прощения.

– В котором тебе нет места, Марин! – тут же скомкала Алла все его надежды и ушла.

Ушла не к Сереже, как потом оказалось. Ушла куда-то

еще. Где-то жила. Чем-то занималась. Зарабатывала какие-то деньги. Потом с кем-то еще жила. Со вторым, третьим, четвертым. Все искала себя, наверное. И вот теперь вдруг оказалось, что она снова с Сережей, которого почему-то его друзья не считают посторонним за их праздничным столом.

– Твоя мать, а! – вспыхнул он, в третий раз не получалось завязать красиво галстук. – Да пошло оно все!..

Никакого фрака, костюма и галстука, пускай катятся со своими условностями! Да и какой, на хрен, галстук с костюмом в загородном доме, который, по слухам, к тому же еще и располагался в лесу?! Пускай Серж надевает костюм. При такой женщине, как Алла, надлежало выглядеть, а ее бывшему мужу, которому в ее новом мире не было места, и в джинсах будет совсем неплохо.

– Чего купить? – спросил он у Ваньки, опуская приветствие. – Вина, водки, коньяка?

– Все имеется, старик, не беспокойся, – отозвался Ванька на подъем.

Но каким-то неуверенным показался Антону его подъем, каким-то наигранным.

– Слышь, дружище, я тут подумал... – Антон надул щеки, выдохнул, глянул на себя в зеркало в прихожей. – Не стану я надевать никакого костюма.

– А что так? – растерялся друг. – Нет. Я в принципе... Как тебе удобно, просто...

– Просто что? – тут же озверел Антон. – Алка со своим хахалем будут при параде, а я в джинсах, так, что ли? На его фоне, боишься, проиграю?

– Боюсь! – честно признался Ванька после минутной паузы.

– Ты же сказал, что к Ленкиной затее никакого отношения не имеешь? – прицепился к другу Антон.

– К какой затее?

– К той самой! – передразнил его он. – К той самой, что она снова хочет меня с Алкой свести!

– Не имею, – заартачился Ванька. – Говорил и говорить буду: к ее затее отношения не имею. И вообще считаю это глупым.

– Что конкретно? – немного смягчился Антон. – Конкуренцию такого плана?

– И конкуренцию тоже.

– А еще что?

– Да ладно тебе, Тоха, дурака валять! – вспыхнул теперь уже друг. – Я бы в жизни не простил! У нее уже после тебя сколько мужиков-то перебывало, а?! Пальцев на руке не хватит! И че после этого с ней опять что-то строить?! Да на хрена надо!!!

– Вот и я о том же, – отозвался Антон.

И тут же подумал, что для него это ровным счетом никакого значения не имеет. Ни второй, ни третий, ни четвертый, ни пятый, если они и были... после Сергея.

Для него имел значения лишь он один.

Этот мерзопакостный счастливчик, сумевший открыть его жене глаза на мир, в котором ему – Антону Марину – не было места.

Он один был виноват в этом. Не в ее грехопадении – нет! А в том, как страшно она прозрела!

Они же прожили вместе десять лет. Все казалось прочным и незыблемым. Скорее земля, думал Марин, начнет вращаться в другую сторону, чем что-то изменится в их отношениях с Аллой. Он уважал, понимал, слушал и слушался, он ублажал, в конце концов. Он не скупился на подарки! Он занимал, перезанимал, кредитовался, чтобы у нее все было. И чтобы она почти всегда выглядела на три миллиона евро.

Если честно, то он представления не имел, как надлежало выглядеть на такую баснословную сумму. Это Алла всегда так говорила, а он послушно повторял. Ну и со временем сам стал смотреть на все и на всех ее глазами. И ведь видел все и принимал именно так, как она хотела.

А оказалось, ему места нет в ее мире, мать бы их ети!!!

– Ладно, старик, извини, – откашлявшись, начал лепетать Ванька. – Хотелось, чтобы ты отлично выглядел. Чтобы эта стерва пожалела наконец и поняла, кого лишилась по бабьей прихоти своей.

– Костюм не надену, – стоял на своем Антон.

И тут же снова мысленно поспорил с Ванькой.

И не стерва вовсе Алла, запуталась просто, заметалась мо-

тыльком. И жалости ее ему не надо. От любви бы – да, не отказался. А вот жалости – боже упаси. Да и не была прихотью ее измена. Он понимал это где-то глубоко внутри себя. И оправдывал, да. И уж простил давно, конечно, ее прелюбодеяние.

Что места не было ему в ее загадочном мире – вот чего простить не мог и не простит уже никогда.

Глава 2

Он не знал, как именно нужно выглядеть на три миллиона евро. Всегда считал, что Алла именно настолько и выглядит, поскольку она всегда казалась ему шикарной. Но вот сегодня...

Сегодня она не выглядела даже на треть от того, как выглядела раньше.

Когда он подъехал к дому Ванькиного дядьки, проплутав по лесным дорогам с полчаса, почти все уже собрались. Не было лишь его и еще одной супружеской пары, с которой Ленку и Ваньку тоже связывала давняя прочная дружба. Но те обещали быть ближе к вечеру.

Он подъехал к воротам, представился охраннику, на охранника вовсе не похожему. Малый в тренировочном костюме с начесом вяло жевал травинку и смотрел на него отстраненным пустым взглядом. Не предъяви Антон ему документов, он бы их и спрашивать не стал, так бы пропустил.

Миновав ворота, он въехал на территорию заимки. Увидел парковку у восточной стороны двухметрового бревенчатого забора, поехал туда. Пока ехал, успел заметить, что народ уже толпится возле стола на веранде, где начинали играть в карты. Все, как и оговаривалось ранее, были в костюмах, при галстуках, дамы в вечерних платьях. Что, на его взгляд, выглядело несколько нелепо. Да и удобств не прибав-

ляло, дамы утопали высокими тонкими шпильками в газонной траве и спешили либо присесть, либо перейти на веранду.

И чего было выпендриваться, непонятно.

Аллы он среди присутствующих не заметил. Зато сразу же выхватил взглядом из толпы высоченную широкоплечую фигуру соперника – мастера открывать глаза всем на все. Он обнимал за талию худенькую коротко остриженную блондинку, что-то без конца шептал ей на ухо и сам же заразительно при этом смеялся.

– Как весело!!! – гневно прошептал Антон, со злостью хлопая дверцей машины. – Где же твоя избранница, скотина?!

Избранница обнаружилась.

Ею и оказалась та самая худенькая коротко остриженная блондинка.

– Алла?! – Антон выкатил глаза, не узнавая в этой изможденной, измученной женщине свою бывшую супругу. – Как ты?!

– Нормально, – вскинула она головку, глянув на него с вызывающим холодком. – А у тебя как дела? Вижу, ты по-прежнему бунтуешь?

– Ты о костюме?

– О нем, Антоша, о нем. – Она прищурилась, начав тут же перечислять: – Все в костюмах, ты один, как ямщик, в джинсах, рубахе навывпуск, хорошо еще, что не в сапогах!

– Думаю, что все это переживут. – Он подмигнул ей игриво, как бывало очень давно, еще в пору их влюбленности. – А мне все равно. Так у тебя точно все в порядке?

– А почему ты спрашиваешь? – прикинулась она непонимающей и подергала худенькими плечиками. – Что-то не так?

– Ну... Ты сама на себя не похожа. Исхудала вся.

– Я на диете, – тут же перебила она его.

Алла соврала. Он точно знал, как никто, что никаких ей диет не требовалось. В ее организме сгорало все. Ни единого грамма лишнего, ни единой ненужной складочки на ее теле не образовывалось. Поразительная способность избавляться от всего ненужного. От него в том числе.

– Понятно... – пробормотал он. – А волосы зачем перекрасила? И подстригла так коротко!

– А захотелось! – снова с вызовом, но с каким-то таким притушенным, без запала совсем. – Что, не нравится?

– Мне-то что, – пожал Антон плечами и поспешил смыться. К ним направлялся парень из другого мира.

Конечно, ему было не все равно. И худоба ее невероятная встревожила не на шутку. И стрижка эта дурацкая, совсем ее не красившая, и блондинкой ей не шло быть.

– Вань, она что, пьет?! – вдруг решил он поинтересоваться, перехватив летевшего на него с напитками друга.

– Кто? – не сразу понял тот.

– Да Алка! Она выглядит так... Ты видел?

– Видел, – кивнул Ванька и тут же увел взгляд в сторону.

– И в чем причина таких перемен в ней?

– Слушай, Тоха, переговоры лучше с Ленкой, а! – взмолился друг и потряс в воздухе бутылками, зажатыми меж пальцев. – У меня земля горит под ногами, ничего не успеваем. Да еще одна официантка не явилась, а две другие капризничают. Переговори с Ленкой, Антош!..

Лену Антон поймал на втором этаже. Та металась из одной гостевой спальни в другую с охапкой постельных комплектов.

– Лен, есть разговор, – ухватил ее Антон за рукав домашнего платья.

– Ты чего, Антоша, в своем уме?! – У нее аж губы затряслись от обиды. – Время поджигает. Все гости на месте, а я еще не переодевалась и даже не причесывалась!

– Две минуты! – пообещал он и выкинул вверх два пальца. – Не отстану ведь.

– Ты и правда не отстанешь, – сморщилась она, глянула на свои часики, болтающиеся на левом запястье на серебряном браслете. – Время пошло, Тоша, быстро!

– Что с Алкой? – не стал он ходить вокруг да около.

– А что с ней?! – Ленка испуганно вытянула шею в сторону окна, пытаясь рассмотреть, что творится на улице.

– Ты видела, как она выглядит?

– А-а-а, ты об этом. – Она понимающе закивала, тут же скорбно поджала губки. – А ты думаешь, чего я к тебе при-

ставала?

– А чего ты ко мне приставала?

– Я приставала, чтобы ты приехал... Мог бы, между прочим, и поприличнее выглядеть, – не забыла, вставила ехидная подруга. – Серж, видал, какой нарядный?

– Не собирался никого переплюнуть, – выпятил Марин нижнюю губу, ненавидя себя за ложь.

Настырничая, ведь не надел костюма, чего уж. Узел красивый на галстук не получался к тому же. И воротник у любимой Алкой рубашки, вдруг оказалось, пошел пузырями. Попробовал надеть другую – не понравилось. Вот и вырядился в джинсы.

– Вот и зря, – ткнула его кулачком в лоб Ленка и вздохнула. – Но ты все равно у нас красавчик, Антоша. Хоть в рубище, хоть в чем, все равно красавчик...

– Лена, а покороче нельзя!

Он увидел через стрельчатое окно лестничной площадки второго этажа, как Серж уводит Аллу куда-то к воротам, и неожиданно забеспокоился. Хотя, казалось, ему-то что? Они уже больше двух лет врозь.

– Короче, я хотела, чтобы ты приехал, блеснул и отбил Алку у этого хлыща. Можешь меня за это ненавидеть!

– Дуреха, я же тебя люблю, ты же знаешь. – Антон тепло улыбнулся и клюнул губами Ленку в щеку. – То, что ты затеяла, я понял еще из твоего приглашения. Я сейчас о другом... Что с ней случилось? Почему она так выглядит?! Она... Она

не пьет?!

– Идиот! – фыркнула Ленка. – К спиртному она относится так же, как и раньше. Другим позволяет пить в своем присутствии, сама же старается пить только сок или воду. Нет, Антоша, тут что-то другое.

– Что?

Он снова заглянул в стрельчатое окно, расположенное на площадке второго этажа. Аллы видно не было. Куда-то все же уволок ее противный Серж. И что она в нем нашла, интересно? Всегда же презирала излишне мускулистых, перекачанных красавцев. А тут вдруг...

Ах да! Он же ей глаза открыл! Мускулатура и все остальные части его противного тела тут ни при чем.

– Мне кажется, Алла переживает, Антоша. – Ленка положила ладошку ему на грудь, подкинула на локте гору постельного белья, заглянула доверительно ему в глаза. – Мне кажется, она казнится из-за вашего разрыва, Антоша.

– Да ладно! – замотал он головой. – С чего это ей переживать?

– Ты самое лучшее, что было у нее в жизни, – произнесла со вздохом Лена и начала маневрировать, пытаясь обойти его стороной и смыться уже.

Но Марин ее маневры распознал и преградил дорогу.

– Это она тебе такое сказала? – прищурил он правый глаз, что случалось с ним всегда в моменты сильнейшего душевного дискомфорта.

Конечно, он и изначально не совсем хорошо себя чувствовал, собираясь сюда. Нервничал, психовал, разбрасывая штаны, рубашки, галстуки. И встречи с Алкой страшился. Да и Серж ее ему был ненавистен. Сиди потом, улыбайся через силу. Но после того, как он увидел свою бывшую жену в том самом состоянии, в каком она теперь пребывала, и тем более послушал Лену, ему сделалось и вовсе нехорошо.

– Ничего она мне не говорила. Не стоит волноваться, – ментально распознала тревожный признак подруга. – Просто... Просто нужно быть слепой, чтобы не понять это, Антош. С тобой она порхала, стрекотала, выглядела как!

– На три миллиона евро, – напомнил он Алкину вечную шутку.

– Вот-вот. Именно! А сейчас что?! Спрашиваю, болееешь? Нет, говорит. Вены даже просмотрела, когда три недели назад с ней встретилась поужинать. Нет, все ручки чистенькие. Ни единого следа от укола. Ну, ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – кивнул Антон.

– В чем дело, спрашиваю? Что с тобой стряслось, почему так выглядишь?

– А она что?

– А ничего! Смеется и говорит: старею. А какая старость, если она моложе меня на два года! Ей и всего-то...

– Тридцать два, я помню.

– Вот-вот. Говорю, может, тебе к Антошке вернуться. Кстати, она тебе пару месяцев назад звонила? – Ленка уста-

вилась на него инквизиторским взглядом.

– Звонила, – не стал он врать.

– Назад просилась?

– Будто бы. Но как-то так в форме шутки. И странная какая-то была при этом, я даже подумал, что она навеселе.

– Она же не пьет, Антон! – оскорбилась за подругу Лена. – Надо же... А я думала, что она мне соврала, когда сказала, что ты ей отказал в такой малости.

– Ты о чем?

– Ну... Мог бы и принять ее обратно.

– Ле-ена!!! – не выдержав, взревел Марин, отступил, пропуская ее к лестнице. – Ты думаешь, что все так просто?! Я... Я уже переболел и снова начинать... Кстати, она ведь тут же утешилась, вернувшись к Сергею. Не так ли?

– Ой, не знаю, – вздохнула с печалью Лена, приостановившись на второй сверху ступеньке. – Тут вообще с этим Сержем непонятно все. То они будто бы расстались. И расстались уже как бы давно. То вдруг она звонит и говорит, что у них все отлично складывается. Потом вот приехали вместе сюда. А я когда шла по коридору, чтобы плед им в спальню положить, слышала, как они ругаются.

– Ругаются?!

– Да! И при этом Сергей называл ее нехорошими словами. Обзывал попросту. Я постучала. Они смолкли. Я вошла, положила плед на кровать. И... – Лена замолчала, заново переживая неприятную сцену в гостевой спальне, свидетелем

которой стала.

– И что? – поторопил ее Антон.

– Что самое противное, он тут же обнял ее при мне, начал целовать и, кажется... Кажется, сделал ей больно.

– Укусил, что ли?!

– Будто бы, потому что на губе у нее вот тут, – Ленка постучала себя пальчиком по нижней губе ближе к левому уголку рта, – вот тут у нее капелька крови выступила.

– И она при этом молчала?!

– Молчала! А глаза у нее при этом были такие... – Лена зажмурилась, мотнула головой. – Такие страдальческие. Антоша, надо что-то делать! Я еще не пойму, что случилось, но что-то случилось. Что скажешь?

Что он мог сказать?!

Что Ленкины слова выворачивают ему наизнанку душу, которую он и без того справедливо считал истерзанной? Что он готов хоть сейчас вырваться из этого дома, оттолкнуть навязчивого наглого Сержа, схватить на руки норовистую жену, ставшую ему бывшей уже давно, и увезти ее куда-нибудь далеко-далеко. Спрятать, укрыть, оградить от всего сволочного мира, наглядеться на который ей наконец-то удалось.

Нагляделась? Понравилось? Понравилось до такой степени, что какая-то скотина бьет по губам в присутствии посторонних?

Ладно, пускай не бьет, кусает до крови. Это что, лучше, что ли?!

– Мне-то что делать, Лен, прикажешь? – вздохнул он, заметив сквозь окно, как эти двое возвращаются откуда-то со стороны ворот в обнимку. – Вон они идут, как два голубка, милуются, целуются, будто ничего и не произошло. И тут я, как человек-паук...

– Почему паук? – изумилась подруга и начала спускаться по лестнице. – В смысле прилипчивый?

– Типа того, – криво ухмыльнулся Антон. – Нет, Лен, мне в их любовь лезть не резон. Только все испорчу. К тому же, может, ей это все нравится?

– Что нравится?! – Она споткнулась на последней ступеньке, вытаращилась на него. – Что тебя унижают, нравиться может? Что кусают в губы до крови?! Что называют всякими гадкими словами?!

– А может, она заслужила? Ты никогда не задумывалась? Это я ее простил со временем, но простил как чужого, совсем постороннего мне человека. А если бы она вернулась ко мне, кто знает, как бы я вел себя с ней? Может, так же, как Сергей? Она ведь и ему изменила, кажется? И, кажется, не один раз? И...

– Ладно, пошла я по делам, – надула губки Лена, не найдя у него понимания. – Ты ступай, развлекайся. Там вон Владка небось все глаза проглядела. А Сергею я бы... Я бы точно, ух!

Он со смехом проследил за тем, как Лена потряхивает в воздухе крепко сжатым, свободным от постельного белья ку-

лачком, приложил руку к груди и произнес:

— Вот в том, что никаких «ух» с моей стороны в адрес Сергея не последует, можешь быть абсолютно уверенной, малыш! И убивать я его не стану, и отношений выяснять.

— А с Аллой?!

Она еще — глупышка — на что-то надеялась.

— И с Аллой тоже. К тому же, сама сказала, Владка меня заждалась...

Владка не давала ему прохода с дней его шальной бесшабашной молодости. А он все не отвечал и не отвечал ей взаимностью, что ты будешь делать. И до Аллы, и с Аллой, и после Аллы Антон так и не удосужился увлечься этой милостивой длинноногой шатенкой, с чего-то решившей, что только она способна сделать Марина счастливым. И к каким уловкам она только не прибегала, какими средствами только не пользовалась, чтобы заполучить этого несговорчивого красавчика.

Это, между прочим, не сам он о себе так, это Ленка сказала.

Поначалу, еще когда на горизонте не маячила любовь всей его жизни, заделавшаяся потом его женой и следом наставившая ему рога, Влада не упускала ни единой возможности, чтобы оказаться подле Марина.

Устроился он на фирму по продаже электрооборудования для промышленных предприятий. Через неделю Влада там уже сидела в бухгалтерии и при встрече помахивала ему

растопыренными пальчиками и складывала губы трубочкой, имитируя поцелуй.

Перешел потом на химический комбинат. Она тут как тут, через месяц работала там старшим диспетчером. Были потом переводы в строительную компанию и крупный нефтеперерабатывающий концерн, прежде чем он состоялся в звании хозяина небольшого, но весьма прибыльного предприятия, всюду Влада шла за ним по пятам, четко отслеживая запутанный им след. Он, может, потому и собственное дело затеял, что понял – отделаться от нее будет невозможно.

Ну а как стал сам себе господин и хозяин-барин, то уж близко ее не подпускал к отделу кадров.

На какое-то время, года на три-четыре, Влада выпала из поля зрения. И он почти забыл о ней, перестал дергаться, как вдруг она снова объявилась. Это уже после того, как Алла ушла.

Он в то время пытался спиться, переложив бразды правления компанией на надежного парня, исполняющего обязанности коммерческого и финансового директора. Сиднем сидел дома, пил беспробудно, водил какие-то компании, чего-то после их посещения лишался. Телевизор однажды огромный со стены сняли, запонки с дорогими камнями умыкнули.

Ему, собственно, было плевать на это. Он ничего не помнил, просыпаясь, ни людей, ни события, предшествующие их появлению в его доме. Ничего! Пытался восстанавливать

поминутно, что и как делал накануне, безрезультатно. Батареи пустых бутылок множились, имущество из дома исчезало, память не восстанавливалась.

Продолжалось это...

Месяц, может, два или чуть больше, он не помнил точно. Но однажды, проснувшись утром, он обнаружил слева от себя – совершенно голого, сладко посапывающую Владу. Она тоже была голой почему-то.

Как она очутилась в его койке, откуда вдруг взялась, она же не попадалась ему на глаза года три-четыре, он не помнил! Ничегошеньки!!!

– Ты и правда ничего не помнишь?! – сверкая белозубой улыбкой, спросила она, когда проснулась.

– Ничего! – Он вдруг, невзирая на страшное похмелье, сумел застыдиться своей наготы. – Совсем ничего! И нечего на меня так смотреть! Ты это... Ступай, Владка, домой. Я не помню и не хочу вспоминать, если честно.

Она не обиделась или сделала вид, что не обиделась, и ушла.

А следующим утром он снова проснулся с ней в кровати. И снова ничего не помнил. И еще следующим. Ему даже стало казаться, что он сходит с ума и что день повторяется один и тот же, а он просто пытается прожить его заново, по-другому как-то.

Это, собственно, и заставило его завязать с выпивкой. Не страх сумасшествия, а страх снова проснуться поутру с жен-

щиной, которую терпеть не мог и предысторию встречи с которой так и не мог вспомнить.

Закодировала его Владка, одним словом, сама о том не подозревая. Перестал он надираться каждый день. Снова вернулся к работе. Убедился, что коммерческий директор ни разу не превысил своих полномочий, не сделал ни единой попытки его обворовать или перекупить компанию. Прослежился даже, помнится, и повысил ему жалованье.

Что странно, как только он перестал надираться каждым вечером до беспамятного состояния, Владка и исчезла. Она растворилась, будто призрак. И не позвонила ни разу, и не пришла, и не сделала ни единой попытки где-то пересечься будто бы случайно. Он уж всерьез начал думать, что она в самом деле ему чудилась. Ну случалось с ним с похмелья, видимо, что-то типа белой горячки. А что? Почему нет? Кому-то черти мерещатся, ему вон Владка...

Сколько же времени прошло с тех пор, как он в последний раз с ней проснулся? Если, конечно же, это в самом деле была она, а не «белочка». Так, так, так...

Да, года полтора назад, кажется, дело было. Может, чуть больше. Странно, что она ни разу с тех пор не позвонила и не пришла. Учитывая ее навязчивость, это как-то странно. Может, спросить у нее, была ли она в его постели в самом деле или ему привиделось?

– Привет, – обронил он небрежно.

Подкараулив, когда она останется на качелях одна, Антон

зашел с тыла и несколько минут рассматривал ее шею.

Влада высоко наверх зачесала волосы, сцепив их какой-то громоздкой заколкой, при этом она выпустила две длинные пряди на уши, сделавшись похожей на глупую нелепую зайчиху. Ему так показалось, во всяком случае, когда она испуганно дернулась и оглянулась на звук его голоса.

Может, он придирается к ней? Может, и нормальная у нее прическа, и глаза подведены искусно, и цвет помады с лаком для ногтей в тон. Платье тоже шикарное, выгодно обтягивающее грудь, а она у нее имелась. И ноги у нее красивые, хотя и оставался он равнодушным к их длине всегда.

– Привет, Антон, – кивнула она, прядки над ушами заплясали и задержались. – Ты меня напугал.

– Я такой страшный, да? – отозвался он, игриво подергав бровями, и едва не сплюнул себе под ноги.

Ну, зачем, зачем такой глупый тон взял, а? Знают же и она, и он сам, что нет, не было и не будет у них никакого будущего. Даже флирт исключался.

– Ты не страшный. Ты красивый и знаешь об этом, – отозвалась Влада серьезно и тут же оценила его страдальческую гримасу не так, как следовало. – Все еще переживаешь из-за Аллы?

– Переживаю? – Он выпятил нижнюю губу и отрицательно замотал головой. – Все отболело, знаешь.

– Да, болел ты долго, – обронила она загадочную фразу, и он тут же занервничал.

А что она имела в виду, а?! Его нервный срыв, выразившийся в беспробудном пьянстве? Или то, что он до сих пор один и так и не нашел себе постоянную женщину, способную занять место Аллы? Или что-то еще? Или то, скажем, что он даже с ней готов был переспать оттого, насколько ему было больно тогда?

Вот черт, а! Как бы спросить у нее, просыпалась она у него в постели или нет? И если просыпалась, был или не был у них секс?

– Ты одна? – задал он глупый вопрос.

Это было очевидно, не стоило и спрашивать. К тому же друзья, устроившие празднество, поставили условие: никого чужого за столом. Чего тогда спросил? Просто, чтобы хоть что-то спросить?

– Да, Антоша, я до сих пор одна, если ты это имел в виду, – усмехнулась она левым уголком рта. – Я не вышла замуж, хотя мне уже за тридцать. У меня нет любовника... сейчас.

И снова этот многозначительный неприятный взгляд в его сторону!

Неужели все-таки она ему не мерещилась в дни его длительного запоя?

– Понятно, – буркнул он и зачем-то сказал: – Я тоже один.

– Я знаю, – кивнула она, и ее пряди, похожие на заячьи уши, снова задергались, заплясали над ушами. – Я все про тебя знаю, Антоша. Или почти все.

Это была чистой воды провокация, на которую ему никак

нельзя было покупаться. Нельзя было спрашивать: а что она про него знает, а откуда знает и с чего решила, что это все не вымысел, а правда. Нельзя было, а он все равно спросил. И обругал себя тут же, потому что Владка без особого труда тут же угадала, что именно творится сейчас в его душе.

– Ты все еще любишь ее, хотя и стараешься убедить себя в обратном. Тебе уже не больно, нет. Но тебе так пусто... Так... И когда ты увидел ее сегодня в теперешнем ее состоянии, то тут же пожалел. Тут же готов был порвать в клочья этого несчастного парня.

– Это Серж-то несчастный?! – искренне изумился Антон.

– Конечно!

– И с чего это он несчастен, скажи?

Вот за это он, наверное, и не мог терпеть Владку. За проницательность ее, за стопроцентное угадывание, за многолетнее сочувствие ему, невзирая на то, что многие годы она была им же отвергнутой.

– А разве можно быть с ней рядом счастливой, Антоша? – изумленно вскинула она тонюсенькие бровки, совсем не красившие ее. – Алла – она... Она машина! Она все сметет на своем пути и даже не оглянется. Поиграла с тобой в семью, поняла, что заигралась, – бросила. Нашла Сережу. С ним роман не затянулся, поскольку терпением он твоим не обладает. Потом был кто-то еще и еще, и еще... Устала, измоталась, решила снова вернуть себе Сережу. А зачем?!

– А зачем? – Ему честно было интересно.

– Не знаю! Может, в какой-то момент ей выпить кофе было не с кем, она вспомнила о нем. Может, в постели одинокой замерзла. Может, нужен он ей для каких-то целей, и именно в тот момент оказался нужен. Взяла и позвонила ему. И то, что разбила человеку жизнь, даже не подумала при этом.

– Сереже, что ли, она ее разбила-то? – Антон недоверчиво скривился, уж сочувствовать он ему точно не станет. – Кажется, он вполне доволен.

– При чем тут Сережа? Он ни при чем. Я имею в виду девушку, на которой он собирался жениться.

– Серега собирался жениться? И что случилось?

– А случилась Алла, которая, поманив пальцем, вытянула его из обязательств и даже не глянула в сторону той девушки, которая уже рассылала приглашения на свадьбу. Так-то, Антоша... Тебе, можно сказать, повезло. – Влада вдруг улыбнулась, ухватила себя за кончики прядок, подергала. – Скажи, дурацкая ведь прическа, так?

– Да ничего, пойдет, – пробормотал он, отворачиваясь.

– Ты никогда не умел врать, – вздохнула она за его спиной и с раздражением добавила: – Это все мастер мой виноват! Хорошо, говорит, будет, не сомневайтесь! Может, мне пере-причесаться, как думаешь?

Да никак он не думал, никак! Ни про нее никак не думал, ни про прическу ее. Глянул, изумился и тут же забыл. С чего он про нее думать-то должен? А то ему подумать не про кого!

Алла... Алла, Аллочка!

Что же с тобой произошло-то за то время, что мы прожили врозь?! Почему так изменилась внешне? Почему перестала считать узы чужого брака святыми? Всегда же так считала, всегда. Почему тогда разбила отношения Сергея и его девушки? Они же собирались пожениться, зачем было влезать? Что за причина заставила тебя сделать это?

Это не любовь, решил он тут же.

Это что-то другое. А что?

Может, она попала в какую-нибудь переделку, и Сергей ей нужен был, чтобы помочь? Он ведь юрист, и весьма грамотный юрист. Он мог бы помочь, если бы захотел.

Нет, но тогда при чем его отношения с девушкой? Он мог оказывать услуги бывшей возлюбленной как юрист и при этом не рвать с любимой. А он ушел от нее. Переехал к Алке. И теперь кусает ей губы до крови, оскорбляет. Нелогично как-то.

Он вздрогнул. Влада не ушла причесываться. Она все это время стояла за его спиной чуть сбоку и наблюдала за ним. И каким-то опять непостижимым образом она смогла понять, о чем он сейчас думает. Положила ладони ему на плечи, прижалась лицом к его спине, на что, по его мнению, совершенно не имела права, и прошептала:

– Не надо, Антоша, прошу тебя, не надо.

– Что не надо?

Его угнетали, раздражали ее прикосновения. Он ни о чем не способен был думать, когда она бывала так вот рядом с

ним и тем более дотрагивалась до него. Он только злился, и все.

– Что не надо, Влада? – Он шагнул вперед, избавляясь от ее рук, обернулся. – Что не надо?

– Не надо искать в ее поступках логику. Ее просто нет! И ценностей у нее никаких нет и не было. Странно, что ты не распознал этого раньше. Она очень красивая этикетка на... куче пороков.

– Это ты к чему?!

Он не просто разозлился, он остекленел просто от бешенства.

Какое право имеет эта прилипчивая дрянь говорить так о женщине, с которой он прожил десять долгих лет?! Что она знает о ней, о нем? Как может справедливо судить, будучи отвергнутой? Она же...

– Слушай, девочка, а ведь ты завидуешь ей просто-напросто, – ухмыльнулся Антон. – Ты ненавидишь ее и завидуешь.

– Было бы чему! – фыркнула Влада, повыше вскидывая голову, но взгляд отчаянно заметался. – Она просто драная кошка и...

– И все равно ты завидуешь ей! Она даже в таком своем потрепанном виде сводит мужчин с ума. Я готов ей все простить и принять ее, пожелай она! Серега вон побежал, стоило ей поманить пальцем. А ты... Ты же никому не нужна!

И вот тут Влада его ударила. Ощутимо ударила, влепив со всего маху звонкую пощечину. И добавила, уходя:

– Ненавижу тебя, сволочь!

Минут пять он стоял столбом возле двух старых берез. Поднял голову, посмотрел на металлическую трубу, вложенную в раструбы веток. На ней болтались старенькие качели, с которых упорхнула Влада. Странно, что они уцелели среди роскошного ландшафта, раскинувшегося на огороженной частоколом бревен территории. Подпрыгнул вдруг, схватился двумя руками за трубу. Чуть пододвинул веревочные петли качелей и начал подтягиваться, считая про себя.

Раз, два... семь, восемь... пятнадцать...

На шестнадцатом он задохнулся и спрыгнул вниз. И едва не налетел на Сашу Степанову.

– Bravo! – вяло похлопала она в ладоши и прищурила непроницаемые черные глаза, за которые ее прозвали в компании колдуньей. – Чего это ты, Марин, упираешься? Бабы допекли? Или напряжение таким образом снимаешь? Так ты скажи, я завсегда помогу.

– Здорово! – Антон обнял ее и затанцевал, попеременно расцеловывая ее в обе щеки.

Вот кому он искренне обрадовался. Вот кто был по-настоящему добрым и хорошим человечком. Правдивым, справедливым и своим в доску пацаном. Она знала про их мужицкие проделки все и всегда. Как ухитрялась добывать информацию, одному богу известно, но осведомлена была обо всем.

Закрутил кто-то из их компании романчик, Сашка тут же

вызванивала мерзавца – так она их называла, – вытаскивала куда-нибудь на нейтральную территорию и песочила там по всем статьям, не заботясь о лексике и манерах. Случилась у кого-то неприятность финансовая или какая другая, она первой помощь предлагала. И деньги совала в долг, и даже настаивала, если кто-то взять стеснялся. И всех знакомых своих, а их у нее было воз и маленькая тележка, принималась обзванивать, чтобы в клинику кого-то положить, чтобы ребенка устроить в детский садик рядом с домом, чтобы репетитора хорошего нанять.

В книге ее добрых дел было бессчетное количество страниц. И они все продолжали множиться.

«Интересно, – тут же подумал Антон, отстраняясь и рассматривая лучшую подругу в упор. – А она знает о переменах в жизни Аллы? О причинах ее теперешнего состояния? О причинах, побудивших ее снова возобновить отношения с Сергеем?»

– Даже не спрашивай, говорить не стану, – вздохнула Сашка и потерлась щекой о его щеку. – Все-то у тебя на лице написано, милый. И даже след от чьих-то пальцев. Кто это тебя так приложил?

– Влада, – нехотя признался он и потер щеку. – Достала просто.

– Ладно тебе. – Саша недовольно поморщилась. – Она любит тебя просто очень много лет, вот и...

– Ага, любит! Знаешь, что сказала, уходя отсюда?

– Ну-ка, ну-ка. – Саша обхватила его за талию и потащила к дому, где нарастал гул голосов заждавшихся угощения гостей.

– Ненавижу, говорит, тебя, сволочь!

– Да ты что!

Сашу редко когда можно было удивить. Марин вообще не помнил такого случая. А тут она просто ошалела от подобной новости. Остановилась. Развернула его на себя и долго рассматривала.

– Что ты ей сказал, Антоша? – хмуря брови, пристала она и тут же, не дав ему вырваться, предупредила: – Не смей мне врать! Говори, что ты ей сказал?

– Ну... Сказал, что люблю Алку.

– Это ерунда, она всегда это знала. Что еще?

– Ну... Сказал, что она никому не нужна.

– Идиот!!! – прошипела Саша. – Разве можно говорить женщине, которая любит тебя уже не один год, такие вещи?! Лучше бы ты ее обозвал как-нибудь, что ли. Ох, Марин, Марин, ничему-то тебя жизнь не научила.

– Да ладно тебе, Сашок, не переживай.

– Это тебе переживать надо, Антоша. – Сашкин пальчик ткнул его в висок, рука снова обвила его талию, и они медленно двинулись к дому. – Влада, она... Она неплохой человек. И любит тебя очень сильно. В какой-то момент мне даже показалось, что это у нее навязчивая идея. Что она не вполне адекватна в этом своем чувстве. Потом я изменила

свое мнение.

– Почему?

– Потому что она перестала преследовать тебя. Оставила в покое. Не стала путаться под ногами, – начала перечислять Сашка. – Повела себя достойно, одним словом.

Знала бы она, какую тайну Антон хранил в своей душе, может, и не утверждала бы так. Улечься в постель к смертельно пьяному мужику, разве в том достоинство? И повторять это потом снова и снова.

Но он не стал ничего ей говорить, ухватил за рукав толстого свитера, спросил:

– А ты чего это без платья? Все вон как расфуфырились, а ты в джинсах и свитере?

– А ты чего? Все мужчины в костюмах, а ты?

Они улыбнулись друг другу.

– Ну их, этих Снегиревых, с их блажью, – сморщила недовольно носик Саша. – Придумали тоже! В загородном лесном доме и при параде! Мой Денис, как услышал про это, наотрез отказался ехать.

– Так ты одна прикатила? – обрадовался Антон.

Дениса он недолюбливал. Не потому, что тот был нехорошим человеком. Нет, хорошим он был, добрым, милым и еще много каким, способным подарить счастье такой женщине, как Саша. Просто он часто накладывал вето на их встречи. Не отпускал ее с ними в баню, на пикник или еще куда, если сам не мог поехать. Странно, что сегодня Саша

приехала. А так Денис стерег ее пуще глаза.

– Одна, одна, – ткнула она его шутливо меж лопаток кулачком. – Денис не смог.

– Или не захотел?

– Может, и не захотел, неволить не имею права, – согласилась она и тут же перевела разговор на другую тему: – Что там в программе празднования, не знаешь?

– А что там? Застолье сначала в гостиной. Потом фейерверк. Кажется, кто-то собрался жарить мясо на углях.

– В костюме-то? – изумилась Саша.

– Так некоторые с собой по две сумки вещей привезли. С ночевкой же планируется отдых.

– Да? – Саша нахмурилась, покусала нижнюю губу, спрятала лицо в высокий воротник свитера по самый нос, подумала, потом закачала головой. – Боюсь, не получится. Обещала Денису не задерживаться.

– Ты не останешься? – расстроился Антон. – А я-то думал, позажигаем!

– Нет уж, зажигай один!

Они остановились у ступенек крыльца, на котором за небольшим столиком резались в карты Логиновы и Рогулины. Саша покивала им, поулыбалась. И, снизив голос до шепота, спросила:

– Кто еще, кроме этих, здесь?

– Ну, кто, кто... – он начал вспоминать, с кем успел столкнуться, загибая пальцы. – Логиновы, Рогулины, Алла, Серж

ее проклятый. Хозяева сами, это уже восемь человек. Мы с тобой – десять. И Владка одиннадцатая.

– А чей «Фокус» на стоянке?

– А вот этого я не знаю.

Он обратил внимание на незнакомую машину, когда парковался. Подумал сначала, что прислуга на ней приехала. Но потом фирменный микроавтобус нашелся за домом. Значит, не прислуга, а кто-то еще. Задаваться особо вопросами было недосуг, все они тут же были вытеснены другими, более насущными, стоило увидеть Аллу и ее сожителя. Теперь вот Сашка напомнила, и он снова возмутился:

– Нет, Саш, скажи, че делают, а!

– Это ты про Снегиревых? – тут же безошибочно угадала она, о чем он.

– О них, о них, болезных! Не велели никого чужого привозить. Я бы, может, с девушкой приехал...

– Ой, ли! Приехал бы? – перебила она его, недоверчиво ухмыльнувшись.

– А почему нет? Приехал бы! – стоял он на своем, почти веря в эту ерунду.

Конечно, не стал бы он никого искать на скорую руку и везти сюда. Это риск какой! Хорошо еще, если девушка окажется нормальной и хорошо воспитанной, а если нет? А если надерется еще засветло и начнет выкидывать коленца, что тогда? Это же какой конфуз на глазах друзей. И даже не столько их глаза его волновали, сколько глаза Аллы. Уж она

бы при таком нехорошем раскладе нашла, как ущипнуть его побольнее.

А была ведь еще и Владка...

– Не привез и хорошо. – Саша встала к нему лицом, поправила воротник его теплой фланелевой рубашки, взъерошила челку, пробормотала любовно: – У-у-у, какой лохматый, стричься пора.

– Отпускать буду.

Он внимательнее к ней присмотрелся и нашел вдруг, что глаза у любимой подружки какие-то не особо веселые. Прочсть в них, конечно, хоть что-то всегда было трудностью чрезвычайно великой. Черные Сашкины глазищи строго охраняли все тайны ее души. Могли, конечно, счастливо поблескивать, и случалось это нередко, но и только. Для любых других случаев и любого другого настроения существовал один-единственный непроницаемый взгляд.

Они его, между прочим, слегка побаивались, да.

Саша в этот момент как раз о чем-то задумалась, перестала контролировать себя, и в глазах ее впервые за все время их дружбы отразилась такая нечеловеческая мука, что у него даже дыхание сбилось.

– Эй, все хорошо? – забеспокоился Антон, легонько встряхнув ее за плечи. – Что с тобой, Сашок?!

– А что? – Она попыталась улыбнуться, тут же глянув на него своим обычным излюбленным взглядом – без выражения. – А что со мной, Марин?

– Не знаю, мне показалось, что ты расстроена чем-то.

Это он немного приглушил свое впечатление. Не стал нагнетать и сгущать, а дай ему волю, уже в гонг бы бил, созывая на поляну друзей.

– Я расстроена?! – Она делано рассмеялась и увлекла его на крыльцо, где за карточным столом разгорались нешуточные страсти. Но все же успела прошептать на ходу: – У меня все хорошо, Антоша. Честно, честно, все хорошо...

Глава 3

Дружбе со Степановыми и Рогулиными было где-то лет семь-восемь, не больше. Это они все: Ленка и Ванька Снегиревы, Антон Марин и Саша, тогда еще не Степанова, а Харламова, были ровесниками, учились в одной школе и дружили с ее же скамьи. Влада и Алла тоже учились там же, но были чуть моложе. А эти были приبلудами, так называли они их про себя, когда втихаря беззлобно сплетничали.

Прицепились как-то на одной из городских тусовок, вцепились в их компанию, и потом уж без них было никуда. Попробовали как-то пару раз обойтись без них, выехав на отдых, так потом такие претензии высказывались в их общий адрес...

И нехорошо так поступать с друзьями. И кидалово такое неприемлемо для таких порядочных людей, коими они себя считают. И вообще, они готовились, все закупили, а их взяли и обошли.

– Да чего мы с ними валандаемся? – ершился Ваня Снегирев, в то время, как его жена Елена всплескивала руками и покачивала головой, считая себя нехорошей. – Они сами пристали, никто особо с ними и дружить не желал.

– Приблуды и есть, – вздохнула тогда Сашка, уютно пристроив свою голову на коленках Дениса.

Тот, как всегда, в прениях не участвовал, уставив глаза в

какую-то научную статью в скучном журнале. Сам читал и тут же с нежностью перебирал ее волосы, рассыпавшиеся по его коленкам.

Это он ее таким образом стережет, решил тогда Антон, поглядывая на них с легкой завистью.

– Но ничего с этим поделать уже нельзя, – продолжила рассуждать Александра, поймала руку Дениса, поцеловала в ладонь. – Пригласили пару раз, теперь уж от них не отделаться.

– Ну почему?! – шипел Ванька змеем. – Почему нельзя-то?!

– Станут интриговать, сплетничать, а у Стаса Рогулина дядька в областной управе, между прочим.

– И что?! – все еще петушился Ванька, не желая сдаваться.

– А то! Я, что ли, землю в собственность под офис оформлять собралась? – передразнила его пыл Сашка. – Таких тебе палок в колеса навставляет, не то что что-то новое прикупить, старое продавать начнешь.

– Вот-вот, – поддакнула тогда Лена. – И неудобно как-то, ребята. Пусть уж они будут, что ли.

Вот они и были с ними уже лет семь или восемь. Таскались к ним на все семейные мероприятия, таскались за ними по стране и за рубежом, если планировался совместный отдых где-то. И даже в новогоднюю ночь ухитрялись себя как-то впихивать к ним, хотя они все предпочитали отмечать его дома и встречались лишь первого января.

А когда же это в первый раз случилось, с Новым годом-то?

А, ну да, как же! Антон тогда остался один после ухода Аллы. Сначала пил, потом поправлял здоровье, потом работал как одержимый. Не заметил, как подкатил самый главный праздник в году. А он всегда считал его самым главным. Опомнился уже где-то числа тридцатого декабря. Осмотрелся. Ни тебе елки в доме, ни мандаринов, ни гуся в морозильнике. Чего делать-то? Не спать же ложиться в новогоднюю ночь. Это же преступление!

Позвонил Сашке. Та сразу вздохнула с облегчением и принялась зазывать его к себе.

– Мы все боялись позвонить тебе, – призналась она. – Думали, начнем приглашать, станешь капризничать. А я этого страсть как не люблю. Накричала бы на тебя, а с тобой сейчас так нельзя. Приезжай, Антоша...

Он поехал к ним тридцать первого. За пару часов до боя курантов позвонил Снегиревым, признался, что у Степановых отмечать праздник собрался. Тем собраться – только подпоясаться. Примчались через полчаса. Уже немного навеселе, Ленка вся в смешных мелких кудряшках, Ванька в расстегнутой почти до пупка рубаше, с батареей бутылок в большой спортивной сумке и кучей разных салатов. Обнялись, расцеловались, закружились. И прокружились до самого утра, совсем позабыв о времени, неприятностях, Антошкиной личной трагедии и о... Логиновых с Рогулиными.

Те сами о них вспомнили, начав поочередно названивать

всем по мобильным телефонам. Пронюхали, что они все вместе у Степановых, выдержали паузу. Потом весь март дулись на них, в апреле долго выговаривали. Ну а в следующий Новый год уж вцепились в них, не оторвать.

Со временем Антон к ним даже привык, считая эти две семейные пары неизменным атрибутом любого праздника. Но ни о каких доверительных отношениях и речи быть не могло. И он даже поддержал Ивана в его праведном гневе, когда тот Ленке устроил скандал по поводу ее шушуканий с Наташей Рогулиной. Не вмешивался никогда в семейные распри своих друзей, а тут не выдержал.

– Лен, ты не права, – произнес он нехотя, когда Ванька основательно выдохся и утратил красноречие. – Людьми они для нас чужими были, чужими и останутся. Не стоило так откровенничать.

– Да идите вы все! – вспылила Лена и, конечно же, осталась при своем мнении.

Ванька потом докладывал, что сплетничать с Наташей Ленка не перестала.

Вот и сюда пригласила их, хотя этот праздник, какой бы странной годовщине ни был посвящен, мог бы обойтись и без них. Станут теперь выворачивать глаза в сторону Аллы и Сергея, подмечать, как при этом ведет себя Антон и что говорит в этот момент Влада. Потом все подвергнут тщательнейшему анализу и вспомнят не раз при любой последующей встрече.

Как-то вот не понимали они, что можно, а чего нельзя обсуждать. Почему не понимали элементарных вещей? Ведь то, что дозволено было Сашке, к примеру, или Ленке, никогда не будет позволительно Наташе Рогулиной или Серафиме Логиновой. Почему не понимали-то? Может, потому, что так и остались для них для всех чужими?

Приблуды они...

Антон подошел к столу, за которым две семейные пары резались в дурака. Проигравший должен был лезть под стол – это в вечернем-то туалете – и кукарекать.

– Не стану я под стол лезть, – капризничала Сима Логинова и гладила себя по коленкам. – У меня платье короткое, залезу, задерется.

– Что, не знала, что у тебя платье такое, когда условия принимала? – заржал в полное горло Рогулин Стас и, совсем не стесняясь Логинова Вадима, положил руку на Симино бедро. – Ноги твои мы все видели, ничего не случится, лезь!

Наблюдать дальше за тем, как ломается Сима, потом все же лезет под стол, нарочно повыше поддернув платье, как сально скалится при этом Стас и остаются равнодушными Вадик и Наташа, было неприятно.

Антон ушел.

Послonyaлся по дому. Пожалел Ленку с Иваном, что сбились с ног, накрывая на стол в гостиной. Она пересчитывала сейчас тарелки, поправляла приборы и салфетки. Он без конца бегал из гостиной в кухню и обратно.

– Сейчас уже скоро, Антоша, потерпи немного, – виновато на ходу улыбнулась ему Лена, пробежав следом за Ванькой в кухню. – Сейчас... Еще минут десять, и будем садиться...

Честно, он не испытывал голода. Он испытывал сейчас невнятное беспокойство из-за того, что Алка выглядела черт знает как да еще и позволяла, чтобы ей рот кусали до крови. Из-за того, что Сашкины глаза показались ему грустными-грустными, и она не стала ничего объяснять – с чего это так. К беспокойству примешивалось легкое раздражение на Владу, смазавшую ему по лицу пятерней. Но это ладно, он заслужил будто бы.

Рогоулиных-то с Логиновыми почему он должен был терпеть в день семнадцатой годовщины знакомства его друзей?

Ведь как все теперь пойдет? Ясно же, как!

Все пойдет по одному и тому же сценарию. Эти две парочки обтрескаются, начнутся какие-то непотребные игрища, в которые они станут вовлекать всех присутствующих. Удастся отказаться – замечательно. Не удастся – наутро будешь чувствовать себя последним мерзким червем. Тут еще и Сашка отказывается оставаться с ночевкой. Без нее вообще плохо дело. Раньше Алла умело контролировала ситуацию, удерживая его за шиворот на грани пьяных оргий, устраиваемых приبلудами. А он ведь мог пойти на поводу, если принимал лишнего. Теперь его контролировать было некому. Самому себя не хотелось. Потому что дико хотелось надраться.

В какой момент его посетило это желание?

В тот самый, когда Сима Логинова полезла из-под стола, показав всему белому свету свою задницу, едва прикрытую трусами? Или в тот, когда Влада отвернулась от него, предложившего ей мир, и снова что-то зашипела, зашипела со злостью? А может, все же в тот самый момент, когда он, сунувшись в туалет на первом этаже, застал там полураздетую Аллу с Сергеем, спустившим штаны до колен?

Отпрянул от неожиданности, пробормотал извинения, тут же все понял и в два прыжка ринулся в спальню, отведенную ему на втором этаже. Там начал лихорадочно разбирать постель, хотя в нее никто не просился. А он так рано никогда не засыпал. Рассовывать какие-то мелочи из собственной сумки, прихваченные в дорогу, по полкам шкафа. А зачем? Он же здесь не на три дня. Утром рано и уедет. Потом выдохся, сел на край расстеленной им в лихорадочной спешке кровати и будто окаменел.

Одним словом, пакостно и гадливо сделалось Антону Марину еще задолго до того, как их всех усадили за стол. Там лучше не стало. Да и Сашка вдруг оказалась с другого края стола, а это никуда не годилось. Она пыталась грозить ему кулачком оттуда, когда он без остановки опрокидывал в себя рюмки с водкой, но поделаться-то ничего не могла. А он не хотел.

Были, конечно, были и какие-то грязные танцы потом и бесноватые игрища с раздеванием, визгами и скованными

улыбками хозяев. И даже Сашка в этих игрищах, кажется, принимала участие. Потому что он точно помнил, как она схватила его в какой-то момент за уши, притянула к себе и прошептала:

– Остановись, Марин!!! Остановись, пока не поздно!!!
Что ты делаешь?!

Он не мог ей ответить, потому что не знал ответа. Не знал, почему это с ним, да и с ним ли?!

Потом все происходящее смешалось, скомкалось в один зловонный грязный комок, и следом все пропало.

Глава 4

Похмелье у Марина Антона началось не совсем обычно.

Нет, все симптомы присутствовали: и головная боль, разрывающая череп на фрагменты, и под ребрами все мелко-мелко трусилось, и как должно – тошнило, и пить при этом хотелось все равно что, но много-много. Но ко всем привычным и немного подзабытым ощущениям добавился женский непрекращающийся визг, зависший на одной высокой ноте где-то у него подо лбом и не желающий оттуда выбираться.

– Господи, что это??? – прохрипел он и чуть приподнял веки.

Слава богу, он был один в спальне, отведенной ему Снегиревыми. Лежал крестом строго посередине, без рубахи, в расстегнутых джинсах. Ремень отсутствовал.

Антон шевельнулся, слава богу, хоть это-то вышло. Дополз до края, свесил голову. Кроссовки с развязанными шнурками разбросаны на прикроватном коврик. Там же валялся его мобильник, а ремня не было. Тогда он пополз к другому краю, потом пошарил в изголовье, метнулся – как вышло, так и вышло – к противоположному краю. Не было ремня, хоть убейся. Он терпеть не мог носить штаны без ремня. Если даже пояс впивался в живот и спину, Антон всегда надевал ремень.

Как же он теперь без ремня-то?

Усевшись и зажав ладони между коленок, он пару раз крепко зажмурился, распахнул глаза, покосился за окошко. Там было солнечно, птички зачирикивали, впору жизни возрадоваться, а не выходило. Внутренности выворачивало тошнотой, мозг выдавливало диким женским визгом. По коридору за дверью что-то носилось и грохотало.

Нарочно, что ли, а? Может, это приблуды снова какую игру самодетельную с утра затеяли? Знают, как народу плохо, вот и куражатся.

Женский ор все нарастал. Понять, кому принадлежит этот голос, было невозможно, ничего похожего он никогда не слышал.

– Да кто же так орет-то, а??? – Антон сдвинул виски, закачался на кровати. – Эй, чего вы там, а!!!

Оглушительный топот за дверью вдруг стих, круглая массивная ручка со скалящейся львиной мордой начала медленно поворачиваться, и через мгновение дверь приотворилась.

На Антона глянула пара испуганных глаз, которые он даже признал не сразу.

– Сашка, ты, что ли? – понял он через мгновение. – Чего ты там топаешь?

– Это не я топаю, – возразила она.

И говорила она каким-то странным незнакомым голосом, и губы ее при этом корчились и подрагивали.

– А кто?

Он начал растирать себе лицо ладонями, чтобы не мере-

щилось непонятно что про близкую подругу. Допился, называется!

– Это все топают, – выдал Сашкин рот, на который он смотрел не отрываясь, он снова начал странно ежиться. – Все топают, Тоша!

– А визжит кто? – Антон похлопал ладонью по краю кровати рядом с собой. – Иди ко мне, маленький. Мне так худо!!!

– Представляю, – закивала Сашка. – Мне тоже!

– Так ты же не пила вчера, – начал он припоминать. – Слушай, а ты же не собиралась ночевать, хотела домой уехать. Осталась или вернулась?

– Сначала вернулась, потом осталась.

Он вдруг почувствовал, что Сашкины плечи подрагивают.

– Слушай, а кто визжит-то? – визжали до сих пор, но уже с чуть меньшим чувством и напором.

– Ленка Снегирева визжит. – Саша тяжело вздохнула и опустила голову. – Ей тоже худо, Антоша.

– Да?

Сколько он помнил себя и их дружбу, Ленку не могла свалить ни одна выпивка. То ли заговоренной она была. То ли притворялась, что пила, а на самом деле выплескивала выпивку под стол. Но она никогда не страдала похмельем. Чего же сегодня?

– Антоша, а чего штаны расстегнуты? – Сашкина голова медленно повернулась на него, глаза глянули страшно. – Где

твой ремень, Антоша?!

– Ты знаешь, не помню. – Он сделал попытку приложить руку к груди, но та, описав в воздухе вялый полукруг, свалилась на колено. – Ремень знатный, дорогой.

– Плетеный, знаю, – кивнула она и вдруг задрожала сильнее.

– Какая ты внимательная, – похвалил он и обнял подругу за плечи. – Рассмотреть успела вчера? Он у меня новый, раньше не надевал.

– Вчера я не смогла бы его рассмотреть, рубаха у тебя была навывпуск, разве нет?

– Точно! – обрадовался он, что хоть это-то помнит. – А где же ты его разглядела, а, колдунья ты наша?

– На Алкиной шее, – вдруг сразу осипла Саша Степанова, съежившись до размера диванной подушки.

– Что на Алкиной шее? – не понял Антон. – Она его вместо бус надела, что ли?

– Не она, а кто-то ей его надел на шею и затянул потом до упора. – Она нацелила на него подрагивающий палец. – Скажи!.. Скажи, Марин, что это не ты!!!

– Что не я?!

Понемногу, сквозь непрекращающийся болезненный скрежет в его голове, сквозь туманную вялость похмелья до него вдруг начало доходить, что все это – и лихорадочный топот, и страшный женский визг, и Сашкино странное состояние, – все это не просто так. Все это...

– Ты хочешь сказать?.. – Его рот тоже вдруг начал выделять странные гримасы, мешая словам произноситься правильно. – Что мой ремень на ее шее? Он... Ее что, Саня?!

– Ее убили, Антон!

– Нет, не дури! погоди так говорить! – начал он вдруг вспарывать спертый воздух спальни ребром ладони, как обычно делал на совещаниях, когда призывал сотрудников к вниманию и пониманию. – Давай с тобой все обсудим.

– Обсуждать нечего, Антоша. – Саша поймала его мельтешащую руку, прижала к краю кровати. – Аллу кто-то убил ночью. Задушил твоим ремнем. Новым, кожаным, плетеным, с красивой чеканной пряжкой. Скажи... Скажи, что это сделал не ты!!!

И она заплакала.

– Я?! Аллу?! Да ты что, Сашок! Я ударить-то ее не мог, не то чтобы... Слушай...

Все еще никак не могло пробиться, все еще не достигало его понимание страшного горя, случившегося под крышей этого гостеприимного дома. И он не спешил, если честно. Потому что знал: если осознает и поймет, то не вынесет этого.

Как же потом-то?! Как же без нее?! А без единственной надежды, спасающей его, как потом жить?

Он ведь тайком ото всех вынашивал ее в своей душе. Он точно надеялся и верил, что Алке рано или поздно надоест метаться, надоест смотреть на мир, который она выдумала,

широко распахнутыми глазами. И она вернется к нему. Попросит прощения. Запросится домой. Но совсем не так, как она запросилась пару месяцев назад. Тогда все было скорее насмешкой, скорее вызовом, чем решением. Но ведь могло быть и осмысленное повторение, так ведь?

– Ее что... Ее больше нет?! – спросил он, глядя на плачущую Сашу. Дотянулся все же до ее плеча, погладил и снова спросил: – Саш, ее что, больше нет?!

– Ее убили, Антон. Задушили этой ночью. Задушили твоим ремнем.

– Это он, да?! Эта сволочь...

– Он уехал еще вчера вечером, – возразила Саша сквозь слезы. – Я потому и вернулась потом.

– Почему? Он уехал, и стало сразу легче дышать, да? Поэтому?

– Нет, не поэтому. Из-за тебя вернулась. Ты помнишь, из-за чего Сергей уехал?

– Нет, конечно, о чем ты!

Последнее, что он помнил, это была как раз Сашка, пытающаяся привести его в чувство. Потом все – полный провал.

– Не помнишь, как устроили с Аллой шоу? Как начали раздеваться на глазах у всех. Сначала ты всех женщин перебрал, лапая их и залезая им под юбки. Одну Владу обошел вниманием, я не позволила.

– Ты была в джинсах, – напомнил он, выдыхая с горечью.

– Точно... Танцевал ты непотребно, Антон! Со всеми по

очереди, постепенно подбираясь к своей бывшей.

– Добрался?

– А то!

– И что было?

– Черт-те что! Вы такое вытворяли с ней! Будто с цепи вас кто спустил. – Саша вытерла глаза и щеки, вздохнула. – Сергею, понятное дело, это не понравилось. Он психанул и сказал, что уезжает. Алла ответила ему в свойственной ей манере – катись ко всем чертям. Он и укатил.

– А что потом было?

– А потом ты потащил ее наверх в ее спальню. – В этом месте Саша отвернулась от него. – А она вдруг стала вырываться. И вот тут случилось самое неприятное.

– И что же?

Рассказ не удивил. То напряжение, в котором он пребывал весь вечер, должно было найти выплеск в чем-то отвратительном. Вот оно и случилось.

– Когда вы добрались до ее спальни, она вошла и перед твоим носом захлопнула дверь. Ты начал бесноваться, стучать по ней кулаками, орать. И...

– Да говори, не томи, Сашок. Хуже уже не будет.

– Куда уж хуже-то! – воскликнула она с горечью. – Когда Ванька начал со Стасом тебя оттаскивать от ее двери, ты заорал, что убьешь ее.

– Не-е-ет! – Он медленно покачал головой, потом начал мотать ею все сильнее и яростнее, зажмурился и прокричал

несколько раз: – Нет... Нет, Сашка, нет!!! Что бы вы ни придумали для себя... Для меня... За меня... Это не может быть правдой!!! У меня и сил-то не было.

– Да, твоих сил хватило на то, чтобы скинуть с руки Стаса и вклеить в глаз Ваньке. Он теперь с синяком.

Они замолчали. Саша заполняла повисшую паузу тихими всхлипываниями. Антон пытался все снова прокрутить в голове, переосмыслить и взвесить. С горем пополам, но вышло. И то, что вышло, никуда не годилось.

– Все очень плохо, да, Саш? – чуть толкнул он ее в бок.

– Хуже некуда! Врачи уже тут, ждут милицию.

– Кто ее обнаружил? В смысле... тело?!

Называть свою бывшую жену, на которую возлагал огромные надежды, телом, было невыносимо.

– Обнаружила Лена. Сначала не поняла или опешила просто. Начала расталкивать ее. Звать по имени. Прибежал зашпанный Ванька, оттащил ее, попытался искусственное дыхание делать, но... – Саша вздрогнула, отпрянув от Антона. – Но ремень так затянут, что даже снять его не смогли.

– Этого нельзя делать до приезда милиции, – апатично напомнил Антон, его тоже начало трясти. – Ленка-то чего так визжит?

– А она, как до нее дошло все, взвизгнула от испуга, так потом и зашлась... Истерика. Врачи сейчас с ней занимаются. Скоро прибудет милиция. Антоша... Милый Антоша...

Она выпрямилась, будто собиралась декламировать сти-

хотворение. Насколько он помнил, Сашка всегда так выгибала спину у доски в школе. Это было для нее важно – осанка.

– Милый Антоша... – начала она снова и запнулась. – Господи, я даже не знаю, что им следует говорить, а чего нет!!! Любое наше слово может навредить. А там... – Саша указала рукой на дверь. – Говорить просто не с кем!

– В каком смысле?

Он почти не слушал и не понимал ее.

То страшное, что случилось минувшей ночью в этом доме, могло ведь быть творением его рук, так?! Он орал, что убьет Алку за то, что она его выставила из спальни? Орал... Бесновался потом и Ваньке синяк под глаз поставил, и к этому синяку милиция непременно придерется, даже если Ванька правды не захочет сказать.

Но как он мог, если это он?

Антон посмотрел на свои руки. Да, костяшки правой руки побаливали, кожа была содрана. Отчего это, интересно? Оттого, что Ваньку ударил? Или оттого, что на Алкиной шее ремень затягивал?!

Нет, он не мог!!! Да ни хрена это не он!

А кто тогда?..

– Там все в шоке, – сбивчиво объясняла Саша, не глядя на него. – Попыталась как-то подготовиться к приезду милиции, поговорить со всеми, что и как нам нужно рассказывать. Ну... Чтобы сразу тебя не сцапали. А они!.. Глазами на меня смотрят пустыми. Девчонки ревут. Мужики хмурятся.

Один Ванька согласно кивает. Говорит, что надо, то и скажу.

– А Влада что же?

Почему он вдруг вспомнил о ней? Никогда не вспоминал ни по плохому, ни по хорошему поводу. Если только она под ногами не начинала путаться. А тут вдруг вспомнил. И через мгновение даже понял, почему.

– А ведь она могла запросто убить ее, Саш.

– Кто?! – Она отшатнулась от него. – Ты в своем уме?! Влада стала бы затягивать ремень у нее на шее?! Это надо быть... Надо быть просто сумасшедшим!

– Или в стельку пьяным и ничего не соображать, – про-
бормотал он вполголоса и вздохнул. – А вдруг это и правда
я, Сашок, что тогда?

– Я не знаю! – вскрикнула она и заплакала, причитая. – Я
всегда знала, что эта женщина не доведет тебя до добра. Я
чувствовала это! С ней рядом всегда какая-то беда бродила!
Она была очень... Очень опасной!!!

– А чей все же «Форд» стоял вчера на парковке, а, Саш?

И снова непонятно почему он вспомнил об этом. О соб-
ственной бы безопасности позаботиться, а он про машину
вспомнил.

– Я не знаю, – пожала плечами Саша, вытирая мокрое от
слез лицо.

– Он и сейчас там?

– Да нет. Кажется, нет. Я вчера еще когда возвращалась
обратно, его уже не было.

– Постой...

Он недоуменно заморгал, настырно желая зацепиться за этот факт, который мог совершенно никакого значения не иметь. Машина могла принадлежать охраннику, могла вообще просто так стоять. Дом-то дядьки Ванькиного. К нему мог кто-то приезжать, а потом уехать. Чего далась ему эта машина?

А с другой стороны, не о себе же было думать! Да и что он мог хорошего подумать о себе?! Что надрался вчера до бессознательного состояния. Что сначала устроил дрянное шоу, потом драку с угрозами в адрес своей бывшей жены, а потом... взял и убил ее, осуществив задуманное?!

Это какая статья в Уголовном кодексе? Номер не известен, но что умышленное убийство с отягчающими вину обстоятельствами на него повесят, сомневаться не приходилось.

– Постой, а кто же на ней все-таки приезжал, на той машине? Может, Сергей?

– Нет, у него «Ситроен».

– Так... Когда ты уезжала, «Форд» стоял на парковке, так?

– Так, – закивала Саша, обрадовавшись возможности немного отвлечься.

– Когда вернулась, машины уже не было, так?

– Так. Но... Но, Антоша, эту машину я по дороге не встретила!

– Как же так? – Он поднял указательный палец, погро-

зил кому-то в сторону окна. – Куда же могла надеваться эта машина? Кто на ней приезжал, кто уезжал? И главное, куда уехал, дорога-то одна?

– Одна, я точно знаю. Я по атласу сверялась заранее, прежде чем приехать сюда. И Ваньке с Леной звонила. Они в один голос утверждали, что дорога одна.

– Куда подевался «Форд»? – И он поиграл бровями со значением и добавил на манер киношных сыщиков: – Узнаем это, узнаем все!

– Господи, Антоша, о чем ты говоришь?! И о чем думаешь вообще! Дался тебе этот «Форд»!

Она поднялась с кровати и начала ходить по небольшой спальне, задевая бедрами угол комода и высоченную спинку кровати. Тесновата была спальня. Отвели ему ее по причине одиночества, скорее всего.

Господи, о чем он снова думает?!

– Это мог быть лесник или егерь, или как там их называют, – предположила она неожиданно, останавливаясь у окна и опираясь ладонями о подоконник. – Мы же в лесу, не забывай. Он мог приехать, справиться о делах. Кто это тут шумную вечеринку устроил, а?

– Лесник на «Форде» по лесу катается? – Он недоверчиво вывернул нижнюю губу. – Это вряд ли. И какой дорогой он потом на этой пижонской машинке уехал?

– Ладно, согласна, что для лесного массива эта машина несколько... Не то, конечно, но узнать все равно стоит у

Ваньки, кто был на этой машине. Он-то наверняка знает.

Встали и пошли, тесня друг друга у входа. Вышли в коридор, опоясывающий весь второй этаж, с амбразами дверей спален. И тут же замерли, не зная, куда идти.

Милиция, оказывается, уже приехала. Трое парней хлопотно метались у распахнутой двери спальни, где минувшей ночью была убита Алла, пытаясь отогнать обитателей дома. Четвертый деловито махал небольшой кисточкой, без конца щелкая затвором громоздкого фотоаппарата, висевшего на толстом ремне у него на шее. Работники «Скорой помощи» – два высоких парня, один в белом халате, второй в джинсовой куртке – стояли в сторонке, дожидаясь, когда им позволят забрать тело. Носилки стояли там же, прислоненные к стене.

Санитар и водитель, тут же решил Антон. А где же врач?

Врач вышел через минуту из спальни Аллы. Всем покивал и пошел вниз по лестнице.

– Александр Степанович! – с обидой окликнул его санитар. – Скоро там?

– Тебе скажут, юноша, – отозвался тот, не подняв головы. – Терпение... Главное, терпение.

– Идем тоже вниз, – зашипела Антону в ухо Саша и, вцепившись в его пальцы, поволокла вниз по лестнице. – Ванька где-то там метался, мне кажется. Тут наверху, сам видишь кто!

Наверху возле открытой двери стояли Логиновы, Рогулины и Влада. Они поочередно выглядывали друг у друга из-

за спин, пытаюсь рассмотреть, что творится в спальне убитой. Шептались, горестно качали головами, кутались в теплые кофты – это женщины.

На Антона с Сашей покосились, но и только. Ни сочувствия, ни осуждения он в этих взглядах не прочел. Хотя мог и ошибаться, до того места, где они кучковались, было метров пять.

В столовой никого не было. Со стола все убрали, скомкали скатерть на середине, да так и оставили. То ли забыли, то ли милиция заставила. В кухне возле окна спиной к двери стояла Лена.

– Эй, Ален, привет, – окликнул ее Антон и поразился тому, как она отшатнулась. – Ну, чего ты?

– Ничего, – пробормотала она, утыкая свой взгляд в пол, и боком, боком мимо них из кухни.

Саша не стала никак комментировать ее поведение. Поставила чайник на огонь, полазила по чужим шкафам в поисках чистых чашек. Не нашлось. Заглянула в посудомоечную машину, даже такая имелась в этом загородном доме. Вытащила две чашки от сервиза, принялась хлопотать с чаем.

– Пей! – приказала она, пододвигая Антону полную до краев чашку огненного сладкого чая с лимоном. – Тебе сейчас мозги нужны больше, чем нам всем, вместе взятым.

– Думаешь, допрашивать начнут?

– А то! Еще как начнут! И начнут, думаю, прямо с тебя.

– Мной же и закончат, – усмехнулся он невесело и при-

нялся маленькими глотками пить чай. — Думаю, что больше никаких подозреваемых не обнаружится в доме. Если еще все станут рассказывать о событиях вчерашнего вечера именно так, как все и было...

— А что им, врать прикажешь? — вяло возмутилась Саша, покручивая чашку в руках. — Я попыталась с каждым переговорить, бесполезно. Либо непонимающими прикидываются, либо в самом деле не поняли, что я от них хочу.

— А что ты хотела? — Антон погладил урчащий желудок. — Саш, дай сыра, а.

— Сыра ему! — воскликнула она, шлепнула его ладонью по лбу, но к холодильнику все же пошла, прокричав из его недр: — Тут и колбаса есть, и буженина.

— Не хочу. Сыр есть?

— Есть.

— Вот и давай.

Саша шлепнула на стол полголовы сыра, начала строгать тонкими ломтями, без конца приговаривая:

— Сыра ему захотелось, вот посадят тебя на тюремную баланду... Буженина, видите ли, ему не пришлась... А хотела я от всех, кто вчера наблюдал твои художества, дачи ложных показаний.

— Чего, чего? — ошеломленно глянул он на подругу, забивая себе в рот сразу три сырных ломтя.

— Да! Можешь меня за это презирать, но я хотела, чтобы все соврали в твою пользу.

– А они что?

– А они, я тебе уже говорила, либо не поняли, либо дурака валяют.

– А Владка? – вдруг снова с чего-то вспомнил он про нее, может, потому, что в этот момент язык прикусил.

– Она так вообще фыркнула с такой злостью. – Саша вздохнула, глянув на него, потюкала себя кончиком ножа, которым нарезала сыр, по виску. – Не надо было тебе ее злить, Антоша! Нет хуже врага, чем оскорбленная и уязвленная женщина!

– Слышь, Саня, я тут что подумал-то. – Антон не к месту хихикнул. – А может, это она Алку, того... Ну, чтобы уж наверняка мне отомстить, а?

– Ты и правда ничего не помнишь, идиот?!

– Ничегошеньки! Как отрубило!

– Это плохо. – Саша села напротив него за стол, потянулась к чашке с остывшим чаем. – Это не смягчает вины подозреваемого, а как раз наоборот.

– Да знаю я! Но никто же не видел, как я туда входил, выходил, – начал он слабо возмущаться, и сил не было, и аргументов. – Я, может, проспал всю ночь и к ее спальне близко не подходил.

– А кто же тогда с тебя ремень снял?

– Не знаю. Так это... – он наморщил лоб, в висках так барабанило, что в зубы отдавало. – Ты же сама сказала, что я почти разделся, когда танцевал с девчонками.

– Верх снял, это точно. И девчонок лапал, и под одежду к ним лез. С Аллы почти платье стянул через верх. Но штаны ты свои не трогал. Ни когда грязным танцам предавался, ни когда возле спальни бушевал. Ты точно был в штанах.

– А ремень? Ремень был? Ты же сама сказала, что до сегодняшнего утра его не видела ни разу, так?

– Так вроде, – растерялась Саша.

– Вот! Ты его не видела, потому что рубашка на мне была навывпуск, так ты сказала?

– Так...

– Ну! А когда с голым торсом бесновался, ремень был или не был?! Это важно, Сашок, вспоминай!

Она думала бесконечно долго, как ему показалось. И чашку без конца в руках крутила, и сыр жевала нарочито медленно, и волосы то и дело за уши заправляла, будто все это непременно должно было помочь ей вспомнить.

– Слушай, а ведь и правда ремня тогда уже на тебе не было, Антон, – вдруг шлепнула она по столу. – Правда, не было! А где он был?

– Не знаю, – пожал он плечами и поправился: – Не помню.

– Но слушай! Это ведь уже не плохо совсем. Важно, чтобы это еще кто-нибудь вспомнил.

– Нужно им! Ленка с Ванькой еще могут что-то...

– Это вряд ли. Прислуга к тому времени укатила, и они метались из кухни в столовую, подносили напитки, убирали грязную посуду со стола. Тоже мне, торжество называется!

– Рогулины и Логиновы даже напрягаться не станут, – загрустил Антон, загибая пальцы. – Сергей к тому моменту укатил. Влада... Та из вредности на меня покажет. Остаешься ты одна, дружок.

– Одна – это мало. А где же ты его мог снять-то, Антоша? Во время танца? В туалете? Этот вариант был бы замечательным.

– Почему?

– Потому что ремень в таком случае мог подобрать кто угодно.

– А из спальни моей его утащить типа нельзя было! Да его с меня можно было легко снять вместе со штанами и кожей, ничего бы не почувствовал.

– Надо же было так нажраться! – недовольно поморщилась Саша, тут же увидала в дверном проеме Ивана, маетно слоняющегося по коридору, и позвала: – Эй, Ванечка, иди сюда, дружок. Разговор есть!

Снегирев вошел как-то боком. Один в один, таким же образом, каким его жена перед этим покинула кухню. Поддержнул повыше тренировочные штаны. Присел на краешек стула, демонстративно дотронулся до синяка под глазом, пробормотал с укоризной в сторону Антона:

– Спасибо, друг, за подарок к годовщине!

– Ладно, прости, – протянул тот ему через стол руку. – Мир?

– Мир-то мир, да... – Иван пожал протянутую ладонь,

съежился как-то весь, кивнул себе за спину. – Вызывать начали всех по очереди.

– Уже?! – забеспокоилась Саша и, перегнувшись через стол в Ванькину сторону, спросила: – Вань, а у вас вчера никаких гостей помимо нас не было?

– Это ты к чему клонишь? – сразу насторожился тот и затеребил, затеребил лямки майки-алкоголички. Вырядился тоже, как дурачок.

– Мы с Антошей видели вчера незнакомый «Форд Фокус» на парковке.

– И чего? – настырно двинул в их сторону опущенным лбом Иван.

Саша понимающе переглянулась с Мариным.

Вот оно, начинается! Дружба дружбой, а чужие проблемы никому не нужны. Тем более такого масштаба проблемы. Не успел вопрос услышать, уже готов обороняться.

– А то! – обозлился сразу Антон, обидевшись. – Кто на нем приезжал к вам?

– К нам никто, – поспешил с ответом Ванька.

– А к кому тогда? Мог это быть лесничий или как там его – егерь, во!

– Не было тут никаких лесничих и егерей, чего несешь-то, Саня?! – Ванька даже пальцем у виска покрутил. – Где ты видала лесников на таких машинах? Как они по лесам-то станут ездить?

– И то верно, – удовлетворенно улыбнулась она, загнув

пальчик на правой руке. – Стало быть, это не был никто из приглашенных вами гостей. Не был ни егерь, ни лесник. Обслуживающий персонал приехал на своем микроавтобусе, я его своими глазами видела...

– Ага, приехал обслуживающий персонал! – Ванька злобно выругался, засопел. – Видала, как тот персонал вчера всех обслужил?

– Не отвлекаемся, дорогой, – улыбнулась ему примирительно Саша, держа загнутыми уже три пальчика. – Если это не был гость, егерь, прислуга, то кто это был, Ваня?

– А я... Я не знаю. – Он растерянно заморгал, попеременно глядя то на Сашу, то на Антона. – Честно не знаю.

– А машину ту хотя бы видел?

– Видел хотя бы. И что? – снова вскинулся он с непонятным апломбом. – Чего вы прицепились к той машине?

– А ничего! – уже начала терять терпение Саша. – Мы просто хотим знать, кто был на той машине и куда потом подевался?!

Глава 5

Они очень надеялись на то, что этим вопросом заинтересуется и милиция. Долго обсуждали его на кухне, фантазируя на все лады и тщательно обходя тему возможной причастности к убийству Антона. Час, наверное, обсуждали, пока их не вызвали для беседы – пока...

Это так один из сотрудников в штатском обозначил с нажимом – для беседы пока! И всем стало ясно, что потом будут и допросы, и все отсюда вытекающее.

Их было двое – милиционеров в штатском, небрежным движением извлекших из своих карманов по удостоверению. Что-то скороговоркой пробормотали, пойми-разберись, что именно. Антон лишь уловил, что одного звали Леней, второго Борисом. Он тут же окрестил их про себя Леликом и Боликом. Что они будто бы напарники и что всем следует отвечать на их вопросы по возможности правдиво.

Какую правду он мог им рассказать?! Никакой! У него ее просто не было.

Спасибо Саше и Ивану. Они немного воссоздали картину прошлого вечера, снабдив его таким образом хоть какими-то воспоминаниями, своих-то у него не было. Потом Сашка заставила его умыться и почистить зубы.

– И слушай... – она скованно улыбнулась, протягивая ему полотенце на пороге ванной комнаты на втором этаже. – Что

бы ни происходило, кто бы что бы ни говорил, помалкивай.

– Понял, – покивал он тяжелой головой.

– Не пытайся возразить, не пытайся согласиться, просто молчи. Это лучшее в твоём случае на данный момент.

– А нас всех вместе станут допрашивать или каждого по отдельности?

Антон поежился. Капли ледяной воды с вымытых волос потекли за воротник рубашки, которую на него Саша натянула, это было почти болезненно. Хотя он весь сам себе напоминал сейчас огромный нарывающий волдырь. Куда ни ткни, всюду больно. Душу трогать вообще не стоило, ныло все так, что позволительно было бы – начал выть.

Вызывали всех по одному, как на экзамене. Первой пошла Лена Снегирева, за ней ее муж – Иван. Пробыли вдвоем в гостинной недолго, вышли немного взбодрившимися и сразу ушли к себе, уже по пути начав шушукаться.

Потом были Логиновы, потом Рогулины. Эти тоже недолго пробыли. Выходя из гостинной, старательно уводили взгляд от Антона. И тут же обособливались.

Все понятно, решил он тут же. Слили его по чистой. Поэтому его очередь все и не наступала. Оставляли его на потом, как самого потенциального подозреваемого.

Потом вошла Влада, выйдя из гостинной, посмотрела на него с неприкрытым вызовом, и даже он сказал бы, что с торжеством. Ничего не понял, конечно. Да и не собирался объявлять себя чтецом красноречия ее взглядов. Хочется глаза

ломать — на здоровье.

Следом вызвали Сашу. Пробыла она чуть дольше остальных. Вышла с заплаканными глазами. Только подошла к нему, приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, как его тут же позвали.

— Держись, Тоша, — единственное, что успела прошептать она ему в спину.

Он кивнул и перешагнул порог гостиной.

— Дверь прикройте, пожалуйста, — попросил его тот, которого он окрестил Леликом — маленький, щупленький бело-брысый парень.

Антон прикрыл дверь, осмотрелся.

До приезда милиции все здесь прибрали, скатерть, скомканная в центре стола, исчезла уже после. Стулья стояли на своих местах. Портьеры аккуратно расправлены, пепельницы пусты. Нигде ни единого предмета чьего-то туалета, а, по слухам, вчера тут всего этого было в изобилии, когда начались танцы с раздеванием. На столе перед Леонидом и Борисом стоял графин с водой и два стакана.

Ну ни дать ни взять приемная комиссия!

Сейчас станут его пытаться, заламывать руки. Он станет врать и изворачиваться. Они будут орать — «не верю». И по результатам этой «пока беседы» будет принято решение — признан он годным находиться среди себе равных, то есть свободных от тюремного заключения людей, или нет.

Как ведь не хотел ехать сюда, как не хотел! Будто чувство-

вал, что все так плохо и грязно закончится. Заместитель, который выручил его в дни его страшного запойного грехопадения, звал на рыбалку. Соблазнял барбекю на свежем воздухе. И намекал еще, что нужно серьезно поговорить о чем-то важном.

А он что? Он сморщил нос и спрашивает:

– До понедельника подождет?

Тот подумал и кивнул.

– Вот и ладно. Поговорим в понедельник. А рыбалка...

Это, конечно, хорошо, но друзей обидеть не могу...

А что-то о нем друзья говорили тут – перед этими серьезными парнями из страшной комиссии по заполнению вакансий на нарах? Даже не подошли ни к нему, ни к Саше, хотя она тут же подалась им навстречу и бровями заиграла, восторженно их вскидывая. Не поддались ни на какие знаки внимания. Тут же улизнули к себе, начав сразу же шептаться.

Оно и понятно, своя рубашка ближе к телу, кто же спорит.

– Марин Антон Степанович? – вопросительно поверх стильных очочков глянул на него Борис – высокий, плотного телосложения с вполне определившимся пузцом. – Тридцати четырех лет от роду... Мы с вами почти ровесники!

Почему он этому порадовался, непонятно, но Антону улыбнулся искренне и с теплом. Прием, может, у него такой был? Он приветлив и улыбчив. Леонид строг и пасмурен. Вот, мол, господа, вам на выбор – выбирайте для откровенных, кого пожелаете.

– Нам с Леонидом по тридцать три, – зачем-то сообщил Борис, снова улыбнулся и тут же задал вопрос: – В каких отношениях вы пребывали с погибшей? Алла Сергеевна Марина... Кажется, она ваша жена?

– Бывшая, – поправил тут же Антон. – Мы разведены.

– Давно?

– Чуть больше двух лет.

– Понятно... – улыбочивый Борис вдруг нахмурился. – А в отношениях-то каких пребывали, так ведь и не ответили?

– Да ни в каких. Не было у нас отношений. – Антон пожал плечами, которые тоже болели, будто он всю ночь атлантом где-то подрабатывал.

– Не контактировали, стало быть? – уточнил Леонид и начал писать что-то слева направо левой рукой. – Не созванивались? Не встречались выпить кофе и...

– Не встречались, не созванивались, не пили кофе и вообще вместе не пили.

– А вот вчера, по слухам и по показаниям свидетелей, вы вместе с ней сильно надрались, – ввернул Борис и подмигнул ему заговорщически. – Вспыхнула былая страсть, а, Антон Степанович?

– С какой стати? – проямлил он, поняв, что наговорили перед ним все, прошедшие через эту парочку, предостаточно. – Не было никакой страсти. Да и она не одна приехала. У нее давно уже роман с Сергеем, фамилии не знаю, извините.

– Это мы узнаем, – пообещал с улыбкой Борис, перебивая

его. — Так на тот момент, когда вы напились, ее спутник давно уехал. Отбыл в неизвестном направлении, поругавшись перед этим со своей спутницей, ныне погибшей. Господа Рогулины стали свидетелями их ссоры. Бурное, говорят, было объяснение. Так что скажете, Антон Степанович, по этому поводу?

— Был повод, вот и напились, — пожал он плечами. — А ругалась Алла с Сергеем или нет, не слышал.

— А что за повод собрал вас тут всех вместе? — промямлил вдруг Леонид.

— Пятнадцать лет со дня знакомства моих друзей, они теперь семья, — пробормотал он.

И тут же перепугался. А вдруг Ванька с Ленкой другую дату назвали — правильную? Они ведь семнадцать лет назад с небольшим познакомились, это точно знали они все — Антон, Саша и сами Снегиревы. Гостям была названа цифра пятнадцать лет. Вдруг они сказали правду?! Почему, когда на кухне разговаривали, не уточнили это, идиоты?!

— Пятнадцать лет со дня знакомства — это действительно повод для такого празднества, — произнес Леонид с сарказмом и добавил чуть тише: — В какую бы сторону деньгами ни сорить... Так вы начали приставать к своей бывшей жене до того, как уехал ее знакомый, или уже после?

— Я?! Начал приставать?! — У него получилось изобразить удивление. — Никто ни к кому не приставал.

— Допустим, — согласно покивал Борис и, как председа-

тельствующий, опрокинул графин над стаканом, забулькал водой, выпил потом, отдышался. – Но у вас получилось снова увлечь ее, снова ею увлечься.

– Да? – Он вяло пожал плечами. – Вы так это видите?

– Не мы, дорогой вы наш Антон Степанович, не мы, а друзья ваши так увидели.

– Выдумки! – фыркнул он и вдруг снова поежился от боли во всем теле.

Он вот тут сидит, отвечает на всякие – на его взгляд – ненужные вопросы, а Алла тем временем уже мертва. И нашли ее со страшной петлей вокруг шеи.

– Выдумки, – повторил он, заставив себя отвлечься от скорбных мыслей, успеет еще, нагорюется. – Просто танцевали, и все.

– Но танцевали очень откровенно, скажу я вам. – Леонид задвигал губами, складывая их в тонкую брезгливую линию. – Раздевались!

– И что? Дурачились просто.

– Ага, дурачась, потащили ее в спальню, – начал перечислять Леонид, загибая пальцы. – Дурачась, она отвергла вас, захлопнув перед вашим носом дверь. И вы потом, дурачась, поставили синяк своему другу, когда он начал вас оттаскивать от двери спальни, где укрылась ваша бывшая жена. Как вам это?

Что он мог сказать, если ничего из рассказанного не помнил?! Не помнил своих действий, не помнил чувств, что дви-

гали им. Двигал им какой-то злобный кураж, вот он и вытворял, не заботясь о последствиях.

– Что скажете нам, Антон Степанович? – вклинился с вопросом Борис, поигрывая стаканом и рассматривая его для чего-то на свет. – Да и еще не скажете нам, где ваш ремень?

Вот оно, началось! Надоело следователям, или кто там они были, ходить вокруг да около, взяли в кольцо и теперь уже не выпустят.

– Свой ремень я стащил с себя, когда танцевал. Сами сказали, что мы раздевались, вот и... – он подвигал лопатками, стараясь избавиться от тупой ноющей боли между ними. – Ремень снял тут вот, когда начал раздеваться. Швырнул куда-то в сторону и тут же забыл о нем. Штаны снять не успел, остановили.

Кажется, так велела ему говорить Саша?

– Стало быть, свой ремень вы сняли в момент танца и оставили в гостинной. Там же он и оставался, когда вы пошли наверх следом за погибшей?

– Стало быть, так, – покивал он. – И доступ к нему имелся у каждого из присутствующих.

– Это вы к чему клоните?

И эти двое, выворачивающие ему теперь стонущую душу наизнанку, уставились на него глазами, полными детского, наивного непонимания. Сочли, наверное, что он проговорился. А вот нате вам, выкусите, господа! Он понемногу уже начал соображать, даже сквозь болезненную ломку у

него сделать это получилось.

– Я клоню к тому, что мне уже сообщили, что Аллу кто-то задушил моим ремнем. И не надо тут... – он вздохнул, приложил руку к груди. – Ребята, мы же тут все свои собрались, на закрытой территории. С утра весь дом гудит как улей. Что же вы думали, что я не знал, что Алла погибла?

– Все свои, говорите?! – сузил противные водянистые глазки Леонид. – Теплая, дружная компания, так? Кто же тогда из этих милых людей ее задушил? Да с такой силой и жестокостью, что ремень не сразу удалось снять с распухшей шеи. У кого же из ваших своих имелся мотив для такого жестокого убийства? У вас он, кстати, имелся, это точно.

– Да ну! – с нервной насмешкой отозвался Антон. – И какой мотив у меня был?

– Ревность!

– Не смешите меня, господа, – фыркнул он как можно убедительнее. – Ревновать ее у меня было время. Мы два года в разводе. Все давно прошло. К тому же у меня имеется один очень важный и, несомненно, оправдывающий меня аргумент.

– Да и какой же? – Эти двое стремительно переглянулись.

– Алла захлопнула перед моим носом дверь, так?

– Ну!

– С какой тогда стати ей ее передо мной потом открывать? Дверь не выломали, заметьте. Не вышибли пинком. Ее она открыла кому-то сама!

– И кому же? – в замешательстве откликнулся Борис, принявшись ерошить волосы на затылке.

Видимо, такой сообразительности от самого главного подозреваемого он не ожидал.

– Она открыла убийце, это ясно. А кому?.. Я не знаю. Не мне – это точно.

В этот момент он сам уверовал в то, что говорил. И то, что Алла была человеком настроения, которое у нее менялось, как погода в туманном Альбионе, у него напрочь выскочило из головы. Он просто сумел себя убедить в том, что она ему после шума возле ее двери не открыла бы. И очень надеялся, что эти двое проникнутся его убежденностью.

А иначе как? Иначе просто жить невозможно. Он же...

Он же не мог ее убить на самом деле!

– Ладно, Антон Степанович, мы поняли вашу точку зрения, – снова начал излучать дружелюбие Борис и даже водички предложил, Антон отказался. – Признаюсь честно, что аргумент ваш так себе – на слабую троечку. Она могла потом передумать и впустить вас. Ваши друзья рассказали нам, каким погибшая была неуравновешенным человеком. Так что...

– Так что, если бы не показания вашей любовницы, вас вывели бы сегодня отсюда в наручниках, – со странным мстительным удовлетворением обронил Леонид, что-то подчеркивая или зачеркивая в своих записях левой рукой.

Антон из осторожности промолчал, не зная попросту, ко-

го сейчас имел в виду этот плюгавый милиционер.

Сашу? Владу?

Саша не могла сказать, что они любовники, потому что это было неправдой и все об этом знали и потому что это было противно, противоестественно так говорить. Даже во имя его спасения!

Влада?

Та могла намекнуть на что-то такое, просыпался же он с ней как будто в одной постели. Но какие показания она могла дать в его пользу?! Он вчера обидел ее, она сильно оскорбилась, ударила его. Исключалась же, по идее, помощь с ее стороны. Что она могла сказать? И если это не она, то кто тогда назвал себя его любовницей?

– Что скажете? – вдруг пристал к нему въедливый Леонид, нацелив авторучку на чистую страницу в своем блокноте.

– По поводу?

– По поводу ее слов?

– А я что знаю, о чем она говорила?! – Он покрутил головой, усмехнувшись, и тут же начал блефовать по-черному. – С ней ведь никогда нельзя быть ни в чем уверенным заранее. Очень... Очень интересный человек.

А в голове стучало и перекатывалось тяжелыми горячими валунами: кто, кто же она – эта доброхотка, назвавшаяся его любовницей? И что сказала?

– Да полно вам, Антон Степанович, скромничать-то, – снова обнажил безупречные зубы улыбчивый Борис. – Влада

Витальна сказала, что минувшую ночь провела с вами в одной постели. Что накладывала всю ночь вам на голову компрессы. Не сомкнула глаз и потому настоятельно рекомендовала вас исключить из списка подозреваемых, поскольку из комнаты вы не выходили. Просто не могли по причине сильного алкогольного опьянения. Так что...

– Так что? – вскинулся он с вызовом. – Могу быть свободен?

– Пока можете. Но из города настоятельно советую не уезжать.

– А в город-то хоть для начала въехать можно? – решил он немного поострить, поняв, что никто его сейчас арестовывать не станет, что Владка вдруг с чего-то решила его спасти, состряпав на скорую руку ему алиби.

Хотя...

А может, она и не врала, а? Может, и правда всю ночь провела рядом с ним, накладывая ему на лоб влажное полотенце? А под утро просто взяла и ушла? Или Ленкин вой ее напугал, она и ушла из его спальни?

С ней ведь никогда нельзя быть ни в чем уверенным заранее. Очень... Очень интересный человечек.

Нашел он ее в той самой спальне, в которой не так давно его разбудил страшный крик и топот.

Влада сидела, неестественно выпрямившись, на краешке кровати – больше садиться было не на что. И, сцепив пальцы рук в замок не коленках, смотрела в одну точку. Точнее,

куда-то в стену, на которой висело зеркало.

– Привет, – буркнул он, прикрывая за собой дверь. – А где все, не знаешь? Что-то прошелся по дому, везде пусто? Машин половины нет. Что, всех отпустили и они поспешили уехать?

– А тебя? – не шевельнувшись и не посмотрев в его сторону, спросила Влада. – А тебя отпустили?

Сейчас волосы ее были распущены по плечам, никакой глупой прически, напоминающей заячьей уши. Никакого макияжа. И в легком лиловом свитере и джинсах она даже показалась ему привлекательной.

Честно никакой неприязни в душе. Ничего, кроме легкой досады оттого, что он теперь вроде как ее должник.

– Меня отпустили, – вздохнул он и нехотя присел рядом с ней на кровати.

– Почему отпустили, сказали? – продолжала настырно допрашивать его она.

– Сказали, – поморщился Антон.

Понял, конечно, понял, куда она клонит, не дурак же совсем.

– И что скажешь? – Влада повернула к нему напряженное лицо, в котором он не нашел для себя ничего, способного вызвать обожание.

Обычное женское лицо: глаза, нос, рот. Все будто бы правильное, симметричное, не громоздкое, но...

Но не нравилась она ему, хоть тресни!

Алла вчера и изможденной выглядела, и сильно осунувшейся, а он все равно готов был пойти за ней на край света. И даже возмущаться начал, и весьма активно, когда она его вытолкнула из спальни.

– А что я должен сказать? – удивился Антон, подумал немного, нехотя обронил: – Ну, спасибо тебе большое.

– За что? – продолжала она настаивать на уточнениях.

– За то, что не дала мне умереть, что компрессы всю ночь на голову мне накладывала. Что не бросила одного и все такое. И...

– И все такое, – перебила она его с нажимом и кивнула. – На самом деле все было не так, Антоша.

– А как было?

Он насторожился. Это еще что за сюрприз?! Саша предупреждала его вчера, когда он еще был способен трезво мыслить и помнить что-то, что с Владой шутки плохи. Что нельзя ее обижать. Он вчера ее обидел. Сегодня она вдруг по воле непонятной прихоти взяла ему и помогла, сняв с него подозрения.

Но что-то тут было не так. Как-то смотрела она на него нехорошо. С особым каким-то значением, совершенно непонятным ему.

– А как было, Влада?

Он сделал над собой усилие и дотронулся до ее локтя. И она вдруг как-то вся обмякла, ослабла и начала заваливаться в его сторону. Положила голову ему на плечо. Что еще за но-

вости?! Ее волосы тут же полезли ему в нос, начали щекотать щеку, он начал злиться и только хотел ее отодвинуть, как она произнесла слабым, срывающимся на тревожный шепот, голосом:

– Я соврала им, Антошенька. Соврала все от первого до последнего слова!

– То есть?! – Он опешил.

Как-то так уже уверовал в то, что он непричастен к смерти Аллы. Что ему не за что казнить себя.

Одно – чувствовать боль от страшной потери. Он уже знал, что это такое. Думал, что никогда уже это не повторится. Повторилось, и много страшнее. Но думать-то об этом пока было некогда.

Ведь совсем другое – чувствовать себя причастным к тому, что утрата эта совершилась.

Чувство вины от невозможности все вспомнить, липкий страх от осознания, что все это может лежать на твоей совести, пока не давали хода никаким другим мыслям.

Все другое – недоступное чужому глазу – должно было произойти потом.

Он уедет из этого дома, вернется к себе, запрет за собой дверь и уж там-то даст волю своему горю.

Так он думал, когда переступал порог гостиной, где его с нетерпением дожидались Леонид и Борис. Выходил оттуда с несколько иным настроением.

Он не виноват ни в чем? Кажется, да. И Влада вон свиде-

тельствует. И сам, подумав, решил, что Алла не пустила бы его к себе в спальню.

И тут вдруг снова все меняется? Нет, он так не договаривался.

– О чем ты соврала, ну! – Он схватил ее за плечи и потрянул. – Говори немедленно!

– Не кричи. – Ее губы, вполне обычные женские губы, в которых он никогда не находил никакой прелести, задрожали. – Я не была в твоей спальне. Не входила сюда ни вечером, ни ночью, ни утром. Но всем, всем я сказала, что ночевала у тебя. И все поверили!

– Всем-всем, это кому?

Снова страшно застучало в голове и обдало омерзительным липким потом.

Он мог, да? Он мог это сделать?! Не может быть! Ну не может же быть такое!!!

– Всем! – повторила Влада и вдруг дотронулась до его щеки. – Рогулиным, Логиновым, Снегиревым, следователям. Все поверили.

– Почему?

Нежное движение ее пальцев по его щеке бесило так, что еще минута, и он точно взорвется. И наорет на эту дуру, решившую обмануть следствие и всех его друзей.

А ему что, от этого лучше, что ли?! Обманывала бы тогда и его, все равно он ничего не помнил. Зачем, зачем она ему призналась в том, что соврала?!

– Все поверили, потому что никто не видел тебя после того, как Ваня оттащил тебя и уложил на кровать.

– А тебя?

– И меня не видели. Я заперлась у себя в спальне и проплакала всю ночь.

– А что так?

Зачем спросил? Зачем? Ему же плевать было на ее слезы, на ее горе. У него своего теперь неуправляемый.

– Мне было больно от того, как ты с ней... Это выглядело очень вульгарно и...

– Может, это ты ее и убила? – Неожиданная, конечно, мысль, но она тоже имела право на существование. И он озвучил ее сегодня не раз. – А что? Алла всегда была тебе как гвоздь в одном месте. Ты всегда ей завидовала и...

– Ты повторяешься, Антон. – Она словно заиндевелила, побелела до синевы, губы едва шевелились. – Я все это слышала уже вчера. Я не убивала Аллу.

– А кто ее убил? Кто? – И еще одна мысль пришла тут же ему в болезненную нестерпимую голову. – Слушай, ты же сказала, что не спала всю ночь. Ну там что-то такое, ревела или что-то там...

– И?!

– Ты должна была слышать, кто входил к ней в спальню! Ваши двери рядом, Влада! Ты не могла не слышать!

– Может быть, – левый край ее рта многозначительно дернулся. – А может, и нет. Но сейчас дело не в этом, Антоша.

– А в чем?

– В том, что я ради твоего спасения соврала следователям. – Она посмотрела ему в глаза с неприятным вызовом. – И ты теперь мне должен.

– И что я должен? Кажется, я уже поблагодарил тебя.

Прозвучало слишком небрежно. Нельзя было так с ней. Надо было, надо было сделать над собой усилие и хотя бы улыбнуться с признательностью.

– Это слишком мало, мой милый.

Ее пальцы вновь потянулись к его щеке, он отпрянул. И вот после этого ее голос и манеры стали много жестче и много неприятнее.

– Пока все проходило в форме беседы. Протокола никто не вел. Я специально уточнила. – Она собственнически уложила ему на затылок пятерню, сжала и потянула его голову на себя, продолжая говорить: – Я спасла тебя, сотворив тебе стопроцентное алиби. Теперь ты вне подозрений, дорогой. Но ничто не мешает мне поменять мои показания уже под протокол. Расплачусь, скажу, что была не в себе. Что испугалась за тебя. Им уже доложили, что я всю жизнь бегаю за тобой, как кошка. Так что мои действия находят объяснения. Ты понял меня?

– Что я должен понять?

Он будто одеревенел и от слов ее, и от прикосновений. И еще глаза...

Глаза вгрызались в его душу, потрошили ее, рассматрива-

ли и знали все, что там в ней творилось.

Да, он трусил! Отчаянно мелко трусил. Ненавидел себя за слабость, но поделать ничего не мог.

– Я повторяю, Антоша. – Влада неприятно улыбнулась, пододвигаясь к нему ближе. – Я соврала ради тебя, ради нас двоих. Но если нас двоих не состоится, то я с легкостью изменю свои показания, и ты сядешь в тюрьму. Надолго!

– Нас двоих? Не состоится? Ты что имеешь в виду?!

Грязная мелкая шантажистка! Сейчас он презирал ее с такой силой, как не презирал никогда прежде. Она предлагает ему сделку! В обмен на свою ложь она требует от него взаимности! Понял он не сразу, но понял.

Она что, очумела совсем, да?! Считает его способным на подобное?!

– Ты должен на мне жениться, милый, – продолжила она совершенно без тени стыда.

– Что я должен?

Он попытался отпрянуть, но ее руки вдруг оказались очень сильными и жесткими. Они держали его за плечи, не позволяя шевельнуться. Глаза, всегда казавшиеся ему бесцветными, потемнели, смотрели требовательно.

Влада ждала ответа. И она была почти уверена в словах, которых прождала слишком много лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.